

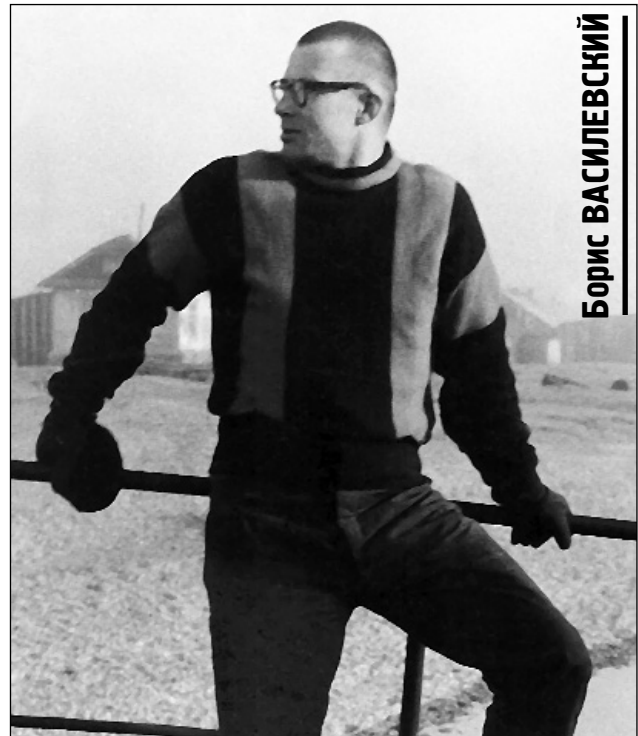
УВАЖАЕМЫЙ ДНЕВНИК

1964

17 авг.

Трасса большого слалом в Магадане: «Северный», «Восток», «Центральный», «Минутка», «Магадан».

[Я, свежее испечённый выпускник МГУ, молодой специалист, учитель русского языка и литературы, лечу на Чукотку. От МГУ традиционно посылали в Новосибирскую, Омскую и прочие, «скучные» западно-сибирские области, но мне хотелось подальше на Восток, и именно на Чукотку. Пришлось добиваться через Министерство просвещения. И вот я уже в Магадане. Там сразу нашлись старые знакомые по университету, ребята с факультета журналистики – кто-то трудился на Магаданском телевидении, кто в газетах. Нашлись и новые – в основном геологи. Тоже молодёжь. От них – масса разнообразных сведений о достопримечательностях здешней жизни, среди них и вот это, о «трассе». Тут придется объяснять. Главной улицей в Магадане считался проспект Ленина. Располагался живописно, на склоне сопки. Вдоль проспекта сосредоточены были «точки». Если сверху вниз, то: ресторан «Северный» (справа), пониже – кафе «Восток» (слева), ещё ниже – ресторан «Центральный» (справа, при гостинице «Центральная»), затем, опять слева, кафе «Минутка», завершалось рестораном «Магадан» (справа, при гостинице «Магадан»). Всё это и называлось «трассой большого слалом»... Некоторые, впадая в азарт и разогнавшись, не удерживались и от «Магадана» докатывались до 13 километра, там в то время был аэропорт и тоже имелся ресторан... В общем, весь этот стиль тогда очень понимался и воспринимался. Видимо, какое-то ещё студенчество докипа-

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ

Чукотка, залив Лаврентия. 1965

ло, дображивало. Как было сказано у молодого Пушкина в «Пирующих студентах»: «Придвинь же пенный стакан», «Но чашу дружества нальём», «Наполни кружку до краёв» и т.п.]

19 авг.

Чистильщик обуви, восточного вида, в Магадане, на углу Дзержинской и проспекта Ленина. Присел к нему почистить ботинки. Он в Магадане уже двадцать пять лет.

– А откуда приехали?

– Из Тбилиси... Нэ приехал, – поправил он. – Сталин мэня привёз.

– Кто? – рассеянно переспросил я, думая о своём.

– Сталин! Сталина знаешь?

– Я не здешний, – сострил я...

[Да, в те годы в Магадане даже настоящего уличного чистильщика обуви можно было найти. Сейчас и в Москве, кажется, не сыщешь. Тот, что на углу Дзержинской и Ленина, был, по-моему, единственный на весь город... Ещё по проспекту бродили цыгане. Тоже настоящие. Добралась и до Магадана. Вечные женщины в своих вечных ярких цветастых юбках и шляхах, с вечными полуголыми ребятишками. Что поразило: все босые. В том самом Магадане, который по известной песне «вставал на пути» и откуда «не было возврата»... Но стоял август, ещё было тепло. В дальнейшем пути на Чукотку цыгане уже не попадались.]

21

Маг-н – Гижига – Марково (ночевали) – Анадырь – Провидения.

[Из Магадана на Чукотку летали тогда на ИЛ-14, небольшом, надёжном, неспешном само-

лётке. В Маркове запомнились ещё деревья, потом пошла тундра.]

25 авг.

Шхуна «Воямполка». Все пьяны – от капитана до последнего матроса. Боцман Иван Иванович. Саня – корабельный плотник. «А сейчас я пойду н-на в-вахту... д-держат этот... как его... ну ладно...»

На этой шхуне от Провидения до Лаврентия. Ан(тон)у напис. из Провидения. Вечером: горы тёмные и небо вверху (тоже темное), лишь на западе из-за вершин свет на бухту – вода светлая.

Пойду гулять по тундре.

[Есть, кажется, такая речка на Камчатке – Воямполка. От неё и название шхуны. Шла на Север, на морской промысел. Впечатления об этом путешествии – немного в рассказе «Осень в июне» («Окна», М., «Современник», 1981), немного в романе «Конечная Земля» (М., «Современник», 1988)]

26

В Лаврентия дождь. Грязная майка артиста, ночующего в гостинице.

[Из Лаврентия я написал своим московским друзьям, друзья полезли смотреть карту, нашли только находящийся неподалёку остров Св. Лаврентия (США), и был повод для веселья: не угодил ли я с разгону в Америку? Однако с нашей стороны тоже имелся залив с таким же названием (дал в 1778 г. капитан Джеймс Кук), впоследствии Св. исчезло, осталось просто – Лаврентия. От него и посёлок, райцентр. Старожилы называли для краткости – Лавр. Интересно: теперь, когда все старые наименования стремятся восстановиться, возобновилось ли Св.? К примеру: районный (или административный) центр Св.Лаврентия?]

31 авг.

Вчера вельботом из Лаврентия в Уэлен. Ночью. Капитан вельбота эскимос.

– Я – эскимос. Давай, поедим махорки, – предложил он.

Спел песню. «На далёком севере эскимосы бегали...»

Маяк.

В Нунямо разделявали двух китов. Запах.

Сег. вечером ходил с Климом за утками на лагуну.

Накат не очень большой. Сажусь составлять планы (учебные). На завтра.

[О путешествии морем из Лаврентия в Уэлен, через Берингов пролив, подробнее только лет через 8, в эссе «Путешествие с возвращениями». Вот, в частности, о разделявании китов. «Я не берусь описывать и сравнивать с чем-либо запах разделяваемого кита, это и невозможно, я приложу к нему только один весьма субъективный эпитет: повелевающий... Этот запах именно п о в е л е в а л – не только немедленно заметить, но и тут же определить

своё отношение к нему. Он как бы говорил: «Ты не отделаешься уклончивым «можно терпеть», тут сразу – или принять, или не принять, но учти: если ты надеешься полюбить этот берег без меня, тебе это не удастся, потому что я неотделим от этого берега...» Впоследствии я узнал многие запахи Чукотки... но всем, кто приезжает на этот Север с намерением его узнать, я для начала рекомендовал бы запах разделяваемого кита...» («Где Север?», «Советский писатель», М., 1974, стр. 233–236)]

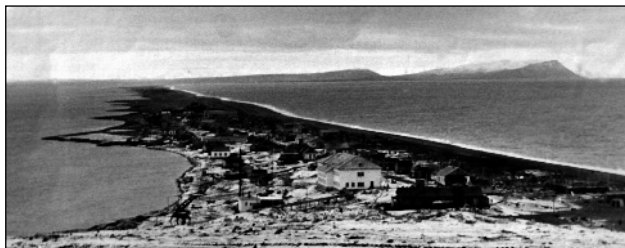
1 сент.

7 часов. 7 экспромтов по 45 мин. Русский яз., литерат., черчение, история, физкультура.

Ходил с Климом под скалы. При заходе солнца они красные. Позвонки китов и моржовые кости. В посёлке – воткнутые китовые рёбра – как шести.

«Китовые рёбра» – неизбежное заблуждение каждого новичка. Кит – животное огромное, стало быть, и рёбра у него огромны, вдобавок изогнуты дугообразно. И первая ассоциация: рёбра. Но это, кто знает, – челюсти... Спустя десяток лет, в один из очередных приездов в Уэлен и не увидев знакомых столбов, я даже посвятил этим челюстям прочувствованные строки.

«Ну вот, стояли когда-то в Уэлене столбы из огромных костей гренландских китов, поставленные, может быть, прадедами нынешних чукчей, может быть, дедами прадедов. Непременная принадлежность каждого чукотского посёлка, где живут морзвербои, могла бы быть деталью герба, если бы существовали у чукчей гербы посёлков. Ставили такие столбы не для украшений – для хозяйственных надобностей: на них растягивались ремни из моржовых и лахтачьих шкур, сушились сами шкуры, укладывались на зиму байдары. Я даже помню, где в Уэлене ещё сохранялись такие столбы – в основном в старой части посёлка, поближе к сопке... Разумеется, сейчас хозяйственная нужда в них отпала, но кому они мешали?! Я представляю: собрался исполком сельсовета с повесткой – «благообразить» посёлок. Постановили, сделали: подъехал бульдозер и скovyрнул. Я специально прошёлся по Уэлену и поглядел – ни одного китового столба. Возле школы, правда, ещё лежат остатки гигантского китового черепа, но и до них, я думаю, дойдут руки. А ведь такую «неповторимую особенность» нигде в мире больше не увидишь...» («Прощание с Уэленом», из книги

Уэлен. Вид с сопки. 1960-е гг.

«Снега былых времён», М., «Советский писатель», 1986, стр. 251–252)

А тогда, в 60-х, китовые столбы в Уэлене ещё были целы. Приехал в командировку Алик Мифтахутдинов, он жил и работал тогда в Анадыре, мы познакомились и как-то сразу подружились, сидели у меня, а под моим окном как раз торчали два или три таких столба. И Алик, уже признанный знаток Чукотки, тоже начал уверять, что это рёбра. Мы даже поспорили, на бутылку коньяку. Вышли на улицу, дождался первого встречного чукчу и спросили. Чукча по-русски говорил плохо, но чтобы мы поняли, для убедительности поводитил у себя под подбородком: мол, челюсти. Спросили для верности ещё у кого-то. В итоге пришлось Алику бежать в магазин... Но если уж быть совершенно точным, пришлось всё равно идти вдвоём. Коньяк считался дефицитом, абы кому его не продавали, и Миф для Уэлена тоже был человек со стороны...]

2 сент.

2 земляка: Слава и Женя, один с Сокола, другой с Таганки. «Я сторожем, а этот – ничей.»

[Слава и Женя – действительные Слава и Женя. О них, как они были, «живьём», через каких-то лет двадцать, в романе «Конечная Земля». «Обитают при каждом, даже самом маленьком чукотском посёлке несколько вот таких загадочных личностей: откуда взялись, кем работают, где живут, чем живут – неизвестно. И куда потом денутся – тоже неизвестно, подозреваю, даже им самим...» И т.д.]

3 сент.

Валентин Михайлович уехал сегодня и вернулся, не дойдя до Наукана, потому что в проливе был шторм. Утром я помогал им сталкивать вельбот, они кричали «То-о-о-ок!», что эквивалентно нашему «Раз-два, взяли!»

Сегодня же пришла бандероль с рукописями из Маг-на, кот(орая) означает, что в Маг-ском издательстве я кинут через ... Но я далёк от прежнего. Даже глупые бабы надписи и вопрошающие полях меня не раздражают.

[Уже забыл. Но я к тому времени был, оказывается, автором двух или трёх рассказов, которые в Москве у меня нигде не брали, и за те несколько дней, что жил в Магадане, успел вручить их Магаданскому издательству. Там, в отличие от Москвы, прочли быстро, но тоже не взяли. Напечатались они... «Размышление на Устье Илима» – в книге «Отчёт» (М., «Молодая гвардия», 1983), а «Озеро Джека Лондона» – в книге «Окна» (М., «Современник», 1981). Так что известное чьё-то изречение «Гений – это терпение» я очень понимал и понимал по-своему: речь шла не о том известном терпении, когда ты в седьмой раз сам переделяешь свою «Войну и мир», но о терпении, с которым ты со своими рукописями всё таскаешься и таскаешься по издательствам и журналам, а они всё не берут и не берут, а ты всё

равно снова идёшь и несёшь. Те же свои рассказы, не поправленные ни на букву. Следовательно, можно считать, что я своих редакторов взял наконец измором... Но в том 64-м было решение – с писательством покончить...]

10 сент.

8-го послал А-ну телегр. Сег. получил ответ. Вчера Слава спел такую песню:
Мы идем по Уэлену,
Ночь – хоть выколи глаза,
Вдруг подходят хулиганы
И сымают торбаза.
Скелеты – стройные, подтянутые, улыбающиеся джентльмены. У меня ангина.

13 сент.

Полярка. Ночевал там.
Столовая, кот. я бы превратил в кабачок с вывеской «У Элен».
В субботу загудели. Как здесь говорят – гудёж.

Про спирт говорят: вжарь. Для одеколона спец. тост – вздрогнем.

Когда здороваются, гов-т – держи кость.

Написал Ан-ну письмо и заказал 4 трубки для ребят.

15 сент.

Сейчас ходил на море. Ветер с севера, трубка сама горит на ветру. Прибой на той стороне лагуны. Водяную пыль несёт через косу с моря в лагуну.

Смотрел, как волны скручиваются в вал, зелёный, мраморный, с белыми прожилками, и обманчивое движение пены – сначала медленное, потом очень быстро, и вот она уже захлёстывает тебе ноги.

Я полюбил стихи, отдельные строчки, из чего заключаю, что характер мой стал портиться.

16 сент.

Чувства, как и деньги, здесь тратить не на что. Их сберегают для материка. Инстинкт человека, живущего на Севере, подсказывает ему спячку.

[Насчёт денег. Обычных, «материковских» проблем с деньгами даже у нас, у «бедных учителей», на Чукотке тогда не было. «Где занять?», «Как дотянуть до полочки?» и т.п. Платить начинали сразу вдвое, и через каждые полгода набавлялось ещё 10% «северных», в народе их называли «за дикость». Т.е. через пять лет северянин фактически получал тройную зарплату. «Расхода у нас тоже никто, по крайней мере, из знакомых мне людей, не поверяет, да и что поверять? Закупишь с полочки мешок разных банок на месяц – вот и весь расход», – как написал впоследствии один из моих героев в полемике с известным пушкинским стихом.]

Смотрел чукотские песни и танцы. «Охота на моржа», «Комков делает посадку». Комков – это лётчик из Лаврентия.

Я хотел бы быть чукчей, есть здесь один старый, седой, похож на Хемингуэя, потому что у Х. такой же прищур глаз. Я хотел бы быть чукчей и стучать усом гренландского кита в бубен из моржового желудка.

Я хотел бы быть моряком на шхуне «Воямполка».

Я хотел бы быть аэрологом на полярке и запускать зонд. Я завидую всем профессиям, кроме моей собств.

[«Чукча, похожий на Хемингуэя» – речь о великом эскимосском танцоре Нутетеине. Вернувшись потом в Москву, написал о нём – «Человек с предела земли».]

17 сент.

– Хорошо, – сказ. я, – если вы знаете, что такое прагматизм, я задам вам только три вопроса: кто такой Пирс? кто такой Джеймс? кто такой Дьюи?

– Я вообще-то не философ, – сказ. он, – я только вёл философский кружок.

– Просто тебе не повезло, – сказ. ему Олег, – что ты нарвался на нас, на философов, а в остальном ты ничего парень.

[Эта ситуация – затем в рассказе «Осень в июне». В книге «Окна». Рассказ мне не удался, я сам это чувствовал, поэтому нигде больше его не печатал. Потом он распался на несколько самостоятельных. «За мальчиком», «Шестнадцать на шесть» и др.]

18-ое.

Чукчи без трубок. Выписать из Москвы и раздать всем по трубке.

[Общее заблуждение: северный абориген обязательно должен курить трубку. А все они курили дешёвые папиросы. Где-то у меня описан фотограф-профессионал (реальный), который специально возил трубку с собой и каждому совал, прежде чем запечатлеть.]

20

Видел во сне, что ты уже приехала.

Вчера Женя за ведром браги повествовал, как он собрался к кенту в Билибино, как поспорил с бабой и как она стояла за углом, а у ворот стояли пенсионеры – забьёшь с ними по пьянке козла, – я иду к машине, а она тусует возле парадного, – я прошёл, как её нет, и машины нет долго, оглянусь, она стоит в халатике рабочем – отпросилась с работы.

И про своего дружка Славку, как он зовёт его на материк, а тот менжуетса, не хочет.

Баба тусуетса, а Славка менжуетса.

И вдруг мне стало всё ясно в моей прошлой жизни. И вдруг ему стало всё ясно в его прошлой жизни.

– Здравствуй, – сказ. он.

– Здравствуй.

– Я чукча.

– Очень приятно, – сказ. я.

– Кого-то ждут, – сказ. он, показывая на партроны на моём столе, и мне это не понравилось.

Сейчас бы я сидел в своей опостылевшей комнате на 6-й Звенигородской и писал, а по ночам ходил бы под её окно, и детская тоска вернулась бы ко мне.

22 сент.

Искусство как опыт. Эту формулу Дьюи я перевернул бы таким образом: опыт как искусство.

Сег. письмо от Ант.

Вчера я был на волосок от смерти. Теперь, когда я не умер, я даже рад, что был на волосок от смерти.

В чьём-то воспит. плане написано: «Эстетическое воспитание. Сходить всем классом на сопку с целью увидеть красоту в природе». Получил «последнее предупреждение» за небрежное отношение к работе классн. руководителя. Сегодня составил план, в духе «с целью увидеть красоту в природе», очень смеялся.

Нужно ещё составить календарные планы. Завтра.

[Отношение ко всем таким формальным обязанностям учителя было легкомысленное. По типу известного пушкинского отчёта о командировке: «Саранча летела, летела, и села. Села, поела...» и т.д.]

Ходил на маяк Киты по вечерам собираются в море, против маяка. Есть здесь киты, моржи, собаки, белые медведи, чукчи, пурги и северные сияния, но нет здесь вас. «Я пью один, вотще воображение вокруг меня товарищей зовёт. Знакомое не слышно приближенье...»

Ещё ходил на кладбище. Гробы, чуть приваленные камнями, кости, распавшиеся крышки, видны скелеты, черепа, обугленные чёрные ноги. Вы можете проследить от ящика к ящику все стадии.

[Это впечатление от чукотского кладбища – через 10 лет в книжке «Где Север?». «Кладбище в Уэлене». Ни в одном журнале даже помыслить не могли, чтоб напечатать про лежащих на виду покойников. Да и в книгу удалось воткнуть обманом. Книжка уже была как бы одобрена, и тут парторг издательства («Советский писатель»), который всегда и всё, что выходило, самолично прочитывал, загремел в больницу. И я незаметно вставил в рукопись эти несколько страниц. «А... (забыл фамилию того инквизитора-парторга)... он это читал?» – подозрительно спросила меня моя редакторша. «Конечно!» – не раздумывая, сказал я... Зато могу теперь перечислить: «Живые не лицемерят перед мёртвыми, и вот отчего так спокойно лежат эти кости, вот отчего не пугают, а дружелюбно улыбаются вам истаявшие лица. Отсюда уходишь, без ложного смирения и натужного оптимизма встречая мысль о том, что

когда-нибудь и сам ляжешь здесь и начнёшь постепенно освобождаться от последних условностей: от ящика, от одежды, от плоти, от скелета, наконец, и чем скорее освободишься, тем скорее – отполированным черепом – обретёшь бессмертие. В один прекрасный день промчится через кладбище толпа сорванцов, и, низринутый ногой праправнука, ты скатишься вниз по склону, к лагуне – смущать нескромной улыбкой молоденьких чукчанок, собравшихся в тундру за цветами».]

– Американ будет, спирт будет.

Вчера лазили на скалы с учениками. Я, как капитан, лез последним. Крик. На меня несётся камень сверху, пуда в полтора. Я успеваю только отклонить голову, ещё секунда – и головы бы не было. Зато есть ободранный зад. От боли я на мгновение отключился. Полез дальше. Последние метры не мог, ноги не работают. Ребята бросили ремень...

Хорошо быть на волосок от смерти. Однажды на волосок, ещё раз на волосок, ещё, уже на три волоска, на четыре, до тех пор, пока смерть не отодвинется далеко-далеко, и, как сказал бы Х-й, перестанет иметь значение.

«Наша аэрологическая шара», – как говорит Суходольский.

Ночью вынес полсотни крупнокалиберных бутылок и бомбил Уэлен.

Утки летят с лагуны в море при северном ветре, утром и вечером.

Убитые моржи в прибреж. волне – перекачиваются, как живые, на спине, и ласты. Трактором волокут, цепл. за клыки. Замерял китов, рулетка вся ржавая от крови.

У меня два будильника, один я завожу на 7, другой на полвосьмого. Будильник – враг человека. Когда-нибудь я его застрелю из ружья.

24 сент.

Светит солнце, ветра нет, в лагуне лёд у берега, а море синее, совсем как недавно в Волхонке.

Почему бы мне не прожить здесь лет пять? – сказ. я себе, и вдруг понял, что через 5 лет мне будет 30. Я сохранил ещё детскую привычку, приезжая куда-нибудь, рассчитывать, представлять, как буду жить здесь через 20 лет. А между тем...

Недели летят незаметно, но время стоит. Оно будет стоять до тех пор, пока до отпуска не останется месяца два-три. И тогда за эти два-три месяца стронутся и пройдут те два или три года, что жил здесь.

Написать планы. Я препод, здесь лит-ру и русский, историю, и черчение, и физкультуру, я классн. руководитель и веду кружок по лит-ре.

25 сент.

Турбин в «Мол. гвардии», Гамлет, смешно.

[Какая-то статья Турбина попала в журнале «Молодая гвардия» и, видимо, о Гамлете.

Владимир Николаевич Турбин, наш университетский преподаватель. Занимался у него в семинаре. Высокий, худощавый, моложавый, но седой, с короткой стрижкой, он нам нравился – как по-свойски вёл себя, говорил с нами, неординарно мыслил... Особенно нравился сту-

Уэленская улица. На первом плане – остатки черепа кита. 1960-е гг.

денткам... Как раз в то время он написал и издал книжку «Товарищ время, товарищ искусство», на факультете шло оживлённое обсуждение. Спорили, схватывались... Потом я вдруг отошёл от всего этого. Слово «смешно» здесь характерно.]

Расскажите нам об Уэлене.

Уэлен для Магадана примерно то же самое, что Магадан для Москвы. Даже в Лаврентия говорят: я ещё не был на Севере.

Какой-то писатель, вспоминая об Уэлене, написал: «Трудно было катать бочки по песчаной косе». Коса есть, но не песчаная. Уэлен стоит на галечнике, и т.д.

У меня совершенно нет времени для себя. Ночью sny, кот. утром не можешь вспомнить. За проверкой тетрадей – мгновенные, неожиданные воспоминания – в основном женщины, слова, воспоминания-ощущения.

Очень часто отключаешься от Уэлена.

27 сент.

Вчера Антоша прислал телеграмму, что получил вызов.

Уэленская новелла.

В Москве спрашивали: куда летишь? В Магадан? На Север, значит.

В Магадане говорили: В Лаврентия? Хорошо! А я вот ещё ни разу не был на Севере.

В Лаврентия уговаривали: оставайся здесь. Чего ты не видел на этом Севере?

[Эти фразы буквально перенеслись затем в написанный уже в Москве коротенький очерк «Где Север?», с него начались публикации в «Вокруг света».]

Вчера мальчики на полярке спорили: бильярд в половине 10-го или 12-го?

[На полярке имелся даже бильярд. И с чего-то возник вдруг спор об известном тогда ро-

мане, точнее, о названии романа Г.Бёлля «Биллиард в половине десятого».]

Женька и Славка улетают. «Самое главное, когда приеду в Москву, – удержаться и не пойти к бабе, – сказ. Женька. – Она ведь через дом живёт, а мать её – в нашем подъезде. Буду стоять с ребятами у парадного...»

Тут он начал рассказывать, как у него вышло с бабой, но пришёл Славка.

«Приеду на материк, – сказ. он, – неделю пью, потом – лечиться от алкоголизма! Лечиться на хуй, а то пропадёшь. Мы ведь здесь мелочь не считаем, рубль? – тоже что-то сомнительное, а там – старуха за гривенник удешит».

– Вот вы стреляете, – сказ. я чукчам, – а как же вы знаете, кто убил?

– А кто взял, тот и убил. Кто прозевал – тот не убил.

Малый, у кот. не было дроби, он стрелял холостыми и подбирал уток.

Основная мебель здесь – чемоданы. В комнате, где основная мебель – чемоданы.

28

Сегодня – первый сон про Уэлен.

Вчера загудели на полярке. Спирт с шамп. – сев. сияние. Спирт с томатным соком – кровавая Мэри.

29

Противоречие – это осознанная противоположность.

Вчера пришёл Клим. Я мерял нерпичьи штаны. Купить и приехать так в Москву, но до тех пор не одну пару нерп. штанов протрёшь. Они так трогательно протерты на заднице.

Завтра в 7.00 randevу с родителями.

[Клим Аккан – первый, можно сказать, чукча, которого я узнал в Уэлене. Пришёл ко мне знакомиться, едва я приехал. Молодой парень, моих примерно лет. Выяснилось, что Клим заведует клубом и руководит художественной самодеятельностью. Учился в Магадане, в музыкальном училище. Я понял, что он обрадовался мне, как интеллигент интеллигенту. Как родственной душе. Интеллигент всегда ведь воспринимался простым народом, как нечто отчуждённое, обособившееся, но для русского интеллигента это разделение уже было давнишним, привычным, а для чукотского, только что народившегося, оно было внове. И Климу в Уэлене было довольно одиноко... Свой очерк о Нутетегине я потом начал с впечатления от Клима: «В начале нашего знакомства я ещё не знал о его музыкальном образовании, и он поразил меня тем, что во время одной из наших прогулок по берегу моря вдруг остановился, прислушался к хриплым и до неузнаваемости изуродованным звукам, доносившимся из поселкового динамика, и

определил: «Гендель...» Уверен, что никто, включая моих соплеменников, тыщи на две километра в округе понятия не имел о Генделе. Но вот парадокс: если мне, приехавшему с материка, из столицы, и увлечённому этой новой для меня жизнью, не нужно было здесь никакого Генделя, и не нужен был даже этот громогласный поселковый динамик, то Клим наоборот, этому Генделю в Уэлене только радовался... А впрочем, если подумать, никакого парадокса в этом не было.]

И если у тебя в молодости был клозет, который ты любил, считай, что тебе повезло, и куда бы ты ни поехал, твой клозет всегда с тобой, и кто бы в него ни ходил... и т.д.

[Эту юношескую пародию на Хемингуэя вспомнил и использовал аж в 2009 году в эссе «Кот, спящий на Хемингуэе». См. журнал «Дружба народов» № 6, 2009]

Здесь думаешь о Москве, как о любимой женщине. В Москве – как о надоевшей бабе.

Рассчитал, что, если банку из-под пороха залить свинцом, получатся хорошие гантели по 5 кг.

[Так и сделал. Свинец выплавил из старых аккумуляторов.]

30 сент.

Провёл род. собрание. Написал письмо домой. Составил план для 7 класса. Завтра – подобрать учебники для УКП – 6 и 7 кл. по русск. яз. и лит-ре.

Опять ветер. Спасает то, что не задаёшь себе глупых вопросов: зачем, почему, с какой стати? Спасает то, что притупилось чувство юмора. Чувство юмора притупилось чрезвычайно. Ещё спасает разница во времени. Не страшно пространство – страшно время. 10 часов разницы отвлекают от праздных воспоминаний.

[В то время разница уэленского времени с московским была настоящей, географической – 10 часов. Впоследствии, ещё при советской власти, в «административных» нуждах её стали постепенно убавлять: 9 часов, 8 часов... Сколько теперь – даже не знаю... Но и до сих пор, начиная встречать Новый год, я здесь, в Москве, первый стопарь выпиваю 31 декабря в 2 часа дня, в этот момент когда-то в Уэлене наступало как раз 12 ночи.]

1 окт.

Крупа. Грязь под ногами подмёрзла. На сопках – снег. В Москве я был слишком праздным. Не скажу, что быть занятым всё время – высшая мудрость. Я люблю то время, когда я был праздным и состояние ожидания.

– Пишите, – сказал он и начал диктовать. – Скоро ты вернёшься домой и увидишься со своими друзьями... Скоро ты вернёшься домой и увидишься... Скоро ты вернёшься домой...

Сейчас шёл с полярки. Темно и ветер, море в темноте.

– Вжарь стопарик, – как гов. Суходольский. На «Воямполке» говорили: замажь.

Землепроходимец, он зарос бородой, как Афанасий Никитин.

Как Гамлет, бродил по кладбищу. Бедный Локке, или – бедный Тыначайвунто.

Мы здесь живём в западном полушарии. С одной стороны – Испания, с другой – мы.

И вообще мы живём с вами в разных полушариях.

Москва далеко. Я тупею, и это к лучшему.

Ни разу не напечатанный писатель – неудачник, он стал учителем и диктовал ученикам фразы из своих произведений. Например, так полюбившуюся критику из «Дружбы народов» фразу: «Утки летели низко и быстро, а гуси медленно и очень высоко и перекликались гортанно и нежно». Подлежащее: утки и гуси. Обстоятельства обр. действия: низко и быстро. И проч., и проч. Находка!

Как хорошо гудит печка!

Мне бы сейчас какой-нибудь роман. Соскучился я по хорошему европейскому роману. И всё-то там цинизм, а под цинизмом-то всё отчаяние, а?

2 окт.

Утки летят непрерывно. Пальба. Переодеваться и идти на заработки.

В моей комнате с видом на Америку...

На Север ты всегда уезжал учиться сдержанности и немногословности. Но как ты научишься ей теперь, когда у тебя 28 часов в неделю?

Уэлен мне нравится. Здесь можно одичать, отупеть, но сойти с ума здесь нельзя. Когда я захочу сойти с ума, я отсюда уеду.

5 окт.

Ветер и дождь. Растрёпанная роза уэленских ветров.

Приходил Фрейлих с рассказом. Редактировал ему. Пили спирт...

[Боря Фрейлих – с уэленской полярки. Тоже чего-то писал. Пришёл ко мне как к специалисту по языку и литературе. Проконсультироваться. О чём был его рассказ, о ком – не помню. У меня в романе он – прототип метеоролога Эдика Редлиха. «Его идея была – стать писателем. И это меня поражало. Поражало то есть, что он так смело об этом заявлял...» И т.д.]

Сходить в Наукан, выпить там, на крайней точке.

6 окт.

Сегодня совещание по успеваемости. Покричали немного. Козырев – это хитрая ж...

Все понимают, что здесь к ученикам должны быть другие требования, но делают вид. У моих по 30 ошибок в диктанте – орфографических, не считая пунктуации.

Завтра сказать насчёт завтраков, самодеятельности к 7 ноября, и Ивитука к директору.

7 окт.

Просьпаюсь: Уэлен. Каждое утро я вновь и вновь оказываюсь в Уэлене.

8-ое окт.

Настоящий снег падает на море и лагуну и на чёрную угольную кучу перед домом. Какие-то четыре человека идут в сопку.

За проверкой тетрадей – мгновенные воспоминания. Фразы. Ассоциации.

Снег перестал и стоял везде, кроме сопки.

Сегодня – литерат. кружок. Сам воодушевился, неожидан. для себя. Беседа об Островском. Завтра в Москве – около 20 градусов тепла, а у нас снег – странно не это, а то, что не перестает удивлять.

Сегодня во 2-й половине дня был туман и сев. ветер, и утки шли хорошо. Стрелял неск. раз, не попал ни разу.

9-ое.

Кто бы мог подумать, что ты встанешь в 6 утра за утками. Снег лежит, очень тихо. «Мне снилась осень в полусвете стёкол...» Сегодня должно быть письмо или телеграмма.

Хорош Уэлен был сегодня утром. Солнце, снег и нет ветра. Лагуна блестит.

Глаза моржей с припухшими веками. Их не стреляют на лежбище, а колют, чтобы не испугать остальных.

Вспомнил почему-то Борщаговского. Неужели сегодня не будет самолёта.

[Борщаговский Александр Михайлович, первый писатель, с которым я познакомился, ещё до отъезда на Чукотку, в Москве. Я тогда безнадежно тыркался по московским журналам с единственным рассказом про Устье Илима и как раз прочёл статью Б-го о прозе «молодых». Привлекла доброжелательность статьи. Нашёл телефон, позвонил, пришёл со своим рассказом. А.М. и ко мне отнёсся по-доброму. И сам прочёл, и связался с каким-то журналом, порекомендовал им прочесть. Но рассказ всё равно не приняли...]

11-ое окт.

Представился рассказ от лица Антона.

Антоша молчит.

На столе моём лапа полярной совы: комок белого пуха со стальными крючками.

Вчера я и мальчики полярские не поняли друг друга.

[Решительно не помню, из-за чего возникла ссора. Но до драки не дошло. Просто разошлись, с твёрдым намерением больше не общаться. Могу представить: чем-то я их поначалу раздражал. Вот, думали они, приехал мос-

ковский пижон, самоуверен и т.п. А они уже пожилы здесь, кое-что повидали на Севере – в общем, «полярка». Но и за мной, до университета, уже была Сибирь: Чуна, Братск, Устье Илима – опыт, с которым я потом, ещё лет двадцать пять, разбирался в своих рассказах... Но вскоре это первоначальное неприятие друг друга сгладились, сошло на нет. И я снова начал бывать на полярке, и они ко мне заходили в посёлке. Главное, как я вскоре понял, было не обобщать: полярка. Той полярки, о которой мы привыкли судить по фильму «Семеро смелых», этакого «очага цивилизации» – давно уже не существовало. И не «семеро смелых», а было их там человек сорок, жили обособленно от посёлка, у многих были жены, они перенесли на Север с материка привычный им быт «коммуналки». (В романе я уделил этому быту с полстранички. «И вечно у них там дрязги, склоки, мелкие счёты.» И т.п.) Но нашлись там и толковые, дельные ребята, с ними можно было дружить, нормально разговаривать.]

Капитан, у которого в аквариуме галька со всех портов (мира).

Стадо моржей голов в сто возле самого берега. Стреляли с берега.

12

Вспомнил я свои старые категории. Ну-ка, где вы, любовь, смерть, одиночество? (А боль? Её куда?) Одинок я сейчас, и внешне, и внутренне, но одиночества нет. Смерть? Она лежит на сопке, и ты всегда можешь посмотреть на неё. Любовь? Я люблю Антошу и других немножко, и ещё я люблю курить трубку по вечерам и слушать печку.

Бессмертие? Здесь оно приходит к человеку раньше, чем где-либо, потому что здесь нет хороших досок и слишком мёрзлая почва, и тебя только чуть приваливают камнями, и некоторое время ты ещё улыбаешься прохожим со склона сопки, а потом и ветер, и дождь, и птицы очень скоро делают тебя таким же бессмертным, как моржи, олени и белые медведи.

Вертолёт привёз мне 5 писем: 2 от Антоши, одно из дому, одно от Аникеева и одно от незнакомой девочки, которая «даже не знает, как это выразить, но её очень заинтересовало и она с нетерпением ждёт от вас ответ».

14 окт.

Хорошо, что я поспорился с поляркой. Одиночество и сосредоточенность. Не так уж часто в наши дни можно доставить себе эти два удовольствия, и нужно уметь дорожить ими.

Ветер и крупа.

[В этот день, 14 октября 1964 года, если кто помнит, Пленум ЦК КПСС освободил Н.Хрущёва от обязанностей 1-го секретаря ЦК КПСС. Взамен был назначен (или избран?) Л.Брежнев. Обо всём этом в моём дневнике – ни полслова. У американского художника Ро-

куэлла Кента есть замечательная книга «WILDERNESS» – «В диком краю», как он жил в 1918 году вместе с маленьким сыном на Лисьем острове, на Аляске. У нас была переведена в 1965 году, как раз в то время, как я находился в Уэлене, там же, кстати, и куплена. Я любил эту книгу, несколько раз с удовольствием перечитывал. Творчество, природа, простой труд... Написана в форме дневника, одна из записей начинается словами: «День вступления на пост нового президента здесь остался незамеченным». Вот так и в моём уэленском дневнике: ни свержение прежнего царя, ни воцарение нового – «остались незамеченными». Но фраза Кента запомнилась, в своём эссе «Русский Робинзон, или Шло бы оно всё» я её повторил: «Жизнь даёт человеку один только раз и проживать её надо так, чтобы иметь возможность записать, подобно Рокуэллу Кенту в его «Аляскинском дневнике»: «День вступления на пост нового президента здесь остался незамеченным». А ещё лучше – даже и такой записи не сделать.» (Ж-л «Дружба народов», № 5, 2000 г.)]

15 окт.

Октябрь! Достал чернил и плачу...

17 окт.

Лагуна замёрзла.

Приехал Антон.

[Антон, Антоша... Так звали в нашей студенческой компании Галю Антониюк. Мы вместе учились в университете, потом она приехала ко мне в Уэлен... Была проблема, как её вызвать: на Чукотке – «погранзона», а Антоша ещё не числился официально тогда моей женой... И ещё многие были проблемы. В общем, чтобы всё это объяснить, потребовалось бы написать роман. Я и написал впоследствии – «Конечную Землю».]

20 окт.

Ел кожу кита, сырую. Как резина.

[История в самом деле получилась забавная. Я пришёл на берег, там только что вытащили кита. Разделка ещё не началась, но весь кит был уже словно в белых заплатах. Оказывается, чукчи вырезали кусочки китовой кожи и тут же ели. Я тоже попросил попробо-

Разделка кита

вать. («Не следует пренебрегать пищей народа, среди которого живёшь», – как говорил потом мой герой.) А вечером, придя в клуб, увидел «молнию». Изображён был достоверно кит в белых заплатках, чукчи с ножами. И подпись: «Позор расхитителям колхозного имущества!» Тут же, в скобках, перечислены были фамилии «расхитителей». Но моей почему-то не было. Хотя я ведь тоже, пусть и по неведению, был таким же «расхитителем»? Может, решили простить учителя на первый раз...]

Сильный ветер с юга. За ночь выпал снег и теперь стаял. Дождь со снегом.

22 окт.

Лагуна растаяла. Солнце, снег, и летят утки.

Трубка. Пожар, ты подошёл, уголёк взял, раскурил и посиживаешь, посматриваешь, покуриваешь.

Спокоен, спокоен. Экономия чувств.

23 окт.

Утки летят очень хорошо с утра. Антон ушёл на урок, я достал тетрадь, чтобы записать фразу, котор. меня мучила с утра, но теперь я её забыл.

24

Приснилось, что убил утку, и она выронила сборник Альберто Моравиа, где напечатан также его последний роман «Портрет». «Наконец-то перевели, – подумал я. – И где они только достают такие хорошие книги?»

Лагуна опять замёрзла разноцветным льдом – грязным старым у берегов и голубым чистым посередине.

Мечтал уехать с ней далеко, где никакие другие женщины не будут ему мешать спокойно её любить...

2 ноябр.

[Отсюда дневник продолжился в красной записной книжке. Кто-то из новых знакомых в Магадане, кто-то из геологов подарил мне её. Отличная книжка для записей, с надписью на обложке: «Министерство геологии и охраны недр СССР. Северо-Восточное геологическое управление. Полевая книжка №...» И формат удобный: 18x12 – как раз для кармана штормовки. Гладкие страницы перемежались листиками кальки и миллиметровки... В общем, настоящая рабочая книжка геолога. Мне для лаконичного моего уэленского дневника хватило этой книжки на все оставшиеся три года.]

Читал о Пушкине, и всё вспомнил своё, и захотелось писать – а самое главное сейчас – не поощрять в себе этого желания.

А Пушкина я, наверное, всегда ценил: он один из всех наших писателей жил легко, не придумывая себе трагедий, оттого-то так много находим сейчас трагизма в его жизни.

3.XI.64

Уэлен только начинается, а эти два месяца ты думал, что его не будет совсем. То есть будет, конечно, но не более как туманное стекло, как грязное окно моей комнаты, как перевернутый бинокль, через который ты будешь смотреть в прошлое... Нет во мне ничего из прежних моих хороших черт: ни тщеславия, ни мелочности, ни презрения к себе, и любви к себе нет, и слабости – всего, что делало жизнь горькой и расщеплённой, но горькой и расщеплённой, как семя, давшее росток.

6.XI.

Возле берега неск. метров льда, мелкого ледяного крошева, волна приподнимает его, но разорвать не может и возле самого берега выскальзывает из-под него. Лагуна давно замёрзла.

Праздник в Уэлене не менее тосклив, чем в Москве, с разницей, что в Москве тоска беспокойная, а здесь тупая. Бесполезные воспоминания.

8.XI.

Лёд идёт. Китов много у берега. Боль была, но чувствовал её словно не он, а кто-то другой внутри него. Так он придумал. А, вздор! Ты сам её чувствовал. Помни, что у тебя ничего нет, кроме способности иногда хорошо складывать слова. Так ты записал когда-то. А теперь и этого у тебя нет.

9.XI.

За утро море закрылось льдом до самого горизонта, и вся эта ледяная масса тихо движется теперь в пролив, вдоль берега, вдоль громадного ледяного вала, который набросало за ночь прибоем.

Утром море ещё было и стаи китов – различались только фонтаны.

[РКент написал в своей аляскинской книге: «Там, где почти ничего не происходит и диапазон проявлений жизни узок, она всё равно полна радостей и печали. Простейшие вещи могут взволновать человека, живущего в безмятежном мире. Например, косатки. В начале сентября они играли в нашей мелководной бухте в каких-нибудь тридцати футах от берега...» Вот и нас каждый день волновали «простейшие вещи»: внезапный ветер, движение льда, стадо моржей, фонтаны китов...]

На вопрос «зимой и летом одним цветом» ученики отвечали «снег».

[Через несколько лет эта фраза развернулась в рассказик для «Учительской газеты», который так и назывался – «Зимой и летом». «И тут кто-то из «нулевиков» догадался: «Снег!» Некоторое время Маша молчала, потом я услышал, как она сказала: «Неправильно». А по-моему, он ответил гениально, этот ученик...»]

– Наша речь состоит из предложений, – орёт за стеной Люда Ивановна. – Повторяйте! Детский хор: «Наша речь состоит...» и проч.
– Предложение состоит из слов! Повторяйте! – и так весь урок.

В 2 часа солнце уже стоит низко над зверофермой.

Может быть, ты и счастлив – разве это узнаешь сейчас?

10.XI.

Лёд остановился. Только что прилетел самолёт.

Пошёл снег, и за несколько минут исчезли сопки, и море, и звероферма.

– Вчера мне приснился сон, что я душила тебя.

– Спасибо, Антоша, – сказ. я серьёзно.

– Но я же не виновата...

– Спасибо, что душила.

– Так ты и сказал во сне.

Писем нет. В море полыньи. Завтра один, два... три месяца, как уехал из Москвы.

Человек искусства – искусственный человек. Номункул.

[Рассказ с тем же названием «Номункул» (точнее, не рассказ, а «исследование», так он и именовался в подзаголовке – исследование) написан был года два спустя, как вернулся с Чукотки, и ни слова о Чукотке в нём не было, там вообще не было никаких примет нашего тогдашнего времени и пространства, оттого и

Мы с Антошей. Уэлен. 1964 г.

не напечатался ни по каким журналам, а сразу лишь в какой-то моей книге 70-х гг. Впрочем, обычная участь многих моих «исследований».]

Нельзя давать воспоминаниям застаиваться и утверждаться в нас – от этого они начинают производить впечатление невозможности подчинить их и, в конце концов, отнимают

сил больше, чем жизнь действительная. Так получилось у меня с Братском 57 года.

Человек, подчинившийся воспоминаниям.

...в конце концов становится невозможным подчинить их себе, и они отнимают сил больше, чем жизнь действительная.

С другой стороны, что может быть более действительным, чем прошедшее, – в настоящем никогда нельзя уловить действительное, слишком мимолётно равновесие прошлого и будущего.

Вот рассуждение, характерное для часа ночи.

11 ноября

Охотники за нерпами уже сидят в море.

Пусть все счастливы, а он будет несчастлив. Не мешайте ему! Человек имеет право быть несчастным. Главное, не надоедать никому своими несчастьями. Не надоедайте и вы ему вашим счастьем.

[Мысль – она же ощущение – вспомнилась в 1978 году при написании рассказа «Отчёт». «Но я, видишь ли, не согласен! Пусть всем всё объяснили, и все всё поняли, а я не понял! Пусть жизнь идёт к лучшему и все счастливы, а я буду несчастлив! Даже так: чтоб никого не смущать – я не с о ц и а л ь н о, я л и ч н о буду несчастлив, понял? Лично-то – имею право?! Только пусть отстанут от меня со своим счастьем. Я к вам со своим несчастьем не лезу, и вы ко мне не лезьте со своим счастьем!» Опубликовалось, натурально, лишь в книге в 1983-м. («Отчёт», «Молодая гвардия», 1983, стр. 169–170)]

– И если бы я была твоим другом, я всё бы понимала и, может быть, сочувствовала бы тебе. Я и так всё понимаю... Нет, отчего я всё так хорошо понимаю?

Слова эти: страдание, боль, счастье, несчастье и проч. – не имеют никакого смысла – потому, что имеют по несколько смыслов сразу.

(Здесь впервые рисунок кита с трубкой)

[Потом рисунок этот сделался как бы моим личным знаком, я ставил его вместо подписи в конце своих писем. Но постепенно, вместе с «темой Чукотки», эта привычка пропала. Последний раз нарисовал этого кита, когда издавал роман «Конечная Земля». Художник, оформлявший книгу, принёс специальный лист бумаги, специальную ручку, тушь, сказал, что надо «именно вот этим, вот здесь». Что-то у меня получилось. Так мой кит, курящий трубку, увековечился на самой последней странице «Конечной Земли».]

13 нояб.

Рассказ под названием «Ничего не случилось». Ничего не случилось. Ну как мне ещё объяснить вам, что ничего не случилось.

[В самом деле, был потом рассказ. Маленький такой рассказик, на три странички, из се-

рии чукотских. Герой живёт с любимой женщиной на Чукотке, а с материка, из прежней жизни, к нему приходит письмо о разводе... И его неизбежные воспоминания и мысли на этот счёт... Но ни «Учительскую газету», ни «Вокруг света», с которыми я тогда сотрудничал, этот сюжет не заинтересовал, напечатан рассказ в моём сборнике «Окна», изд. «Современник», 1981.]

14 ноябр.

Действительно, отдыхаешь. Побольше отвлекаешься для работы, и неторопливые записи в дневнике, по привычке.

Антоша приехал, и прекратилась моя привычка разгов. с собой вслух.

Северный ветер, половина третьего, и над зверофермой, посреди серого небосклона, одинокое красное облако.

Когда получил письмо о разв., боль была, но это была боль – производная второй степени, как сказали бы в математике, – боль оттого, что боли нет, что всё проходит.

«Боль оттого, что боли нет. Боль оттого, что боли нет». (Уходит, напевая.) Занавес.

15 нояб.

Рассказ под названием «Убить воскресенья». Fin... Таких воскресений будет ещё много.

Каша у Антоши не получается крутая. Каша – зеркало души.

[И у «Убить воскресенья» (в названии сказывается некоторое заимствование) – та же участь, что и у многих прочих рассказов – только в книге. Не оттого, что там содержалось нечто социально-крамольное – речь шла всего лишь об охоте, – но мы могли с наслаждением читать, как Хемингуэй и его герои где-то там в Африке всю убивают своих львов, буйволов и антилоп, но... как в Уэле не целыми днями палят по летящим над посёлком уткам, редактора наши допустить не могли. Даже в «Вокруг света», где я тогда начал публиковаться. «Это какой-то апофеоз убийства!» – с неодобрением, помню, сказал знакомый редактор... Не скрою, мне сейчас, когда перечитываю, тоже жалко. Особенно подранков, падающих в лагуну. «Как-то утром я заметил утку, которая ползла по льду. В бинокль было видно, что она именно ползла. От воды её отделило метров двести. Когда вечером я возвращался с работы, ей оставалось совсем немного». Да, и сейчас я, наверное, охотой бы не занимался. А что до чукчей – у них такой рефлексии не существовало. Если для нас, приезжих, это была забава, развлечение, способ «убить воскресенья», то для них в добытых ими китах, моржах, лахтаках, нерпах, в тех же утках была элементарная жизненная потребность, насущная необходимость... В общем, утешает меня в этом очерке последний абзац, где мой герой, засыпая, сам вдруг превращается в птицу. «И вдруг в куче других налетел на тёмное пятно, казавшееся

издалека морем, и только начали снижаться, как воздух из знакомого, стремящегося спокойной рекой тебе навстречу, сделался зыбким, неровным, словно тундра, пронизанным шумом, свистом и какими-то горячими струями, и тебя понесло кверху на этой струе, и ты быстро-быстро замахал крыльями, выправился, перелетел, шлёпнулся на спасительную морскую волну, заработал лапками, окуная голову в воду, убеждаясь, что жив, цел, невредим, и начал долгий путь к югу, через пролив, открытый твоими предками задолго до человека.»]

16 нояб.

К 15-му: воспоминание – не лучший способ убить время. А трубка – обязательна. Две трубки.

И редко вспоминали вслух. Про себя – другое дело. Про себя всегда чувствуешь ту грань, когда ты владеешь воспоминанием, а не оно тобой, и в любой момент можешь переключиться.

Слова складываются очень легко и не приносят удовлетворения.

Вспомнил, как убитые моржи перекачивались на спине в прибое, точно живые, только приборой был красным, и потом их цепляли тросом за клыки и тащили на берег, и их набрякшие сомкнутые веки, как у старых пьяниц, и туши, словно плохо набитые тюфяки.

Я всё откладываю писать, потому что чувствую, что напишу хорошо и безразлично, а мне не хочется больше неудач. Воображаю снова Борщ(аговского)го: «Вы что, специально пишете так, чтобы вас не печатали?»

Море замёрзло, и как-то скучно без моря. Вчера приходил Гоном, предлагал нерпу и песка.

17 ноября.

Здесь достаточно прожить год, чтобы почувствовать прелесть жизни на Чукотке, и ещё год, чтобы прочувствовать прелесть жизни на материке.

[Это кто-то из великих полярных исследователей, или Нансен, или Амундсен... кто-то из них сказал, что год на Севере – это мало, три года – много, а два – самый раз.]

Три часа. В университете я к этому времени выкурил бы массу сигарет, неск. бут. пива с Аникеевым, и нехотя на Фрунзенскую обедать.

19 нояб.

Взял в колхозе МК.

– Нерпа стрелять надо. Песец стрелять надо, – сказ. я Ивакину.

[Начало знакомства с Ивакиным. Ивакин был тогда председателем уэленского колхоза «Герой труда». Получить нарезное оружие можно было только с его разрешения.]

Эйнес сказал, что море закрылось, т.е. закрылись полыньи.

21 нояб.

Антоша видит сны – символические, конечно. Вчера или позавчера рассказывает: «Мы едем куда-то, в Париж или Рим...»

– В Рим мы приехали в 11 часов, – сказал я.

– «Ты говоришь: ты мне надоела. Зачем, например, ты тащила меня кататься на каких-то самолетиках...»

– Это когда мы летели в Закарпатье, – сказ. я.

– «Вот. А теперь мы едем в Рим. Нет уж, в Рим я поеду один...»

Здесь я её хватаю и выбрасываю из поезда.»

Бедный Антоша!

[В голове тогда хранилась масса чужих прочитанных, нужных и ненужных, фраз. «В Рим мы приехали в 11 часов» – это, если не ошибаюсь, из воспоминания Паустовского о его поездке в Италию.]

22 ноябрь.

(Рисунок университетского дворика. Клумба посередине, кругом лавочки, все сидят, курят. Подпись: PSICHODROM)

Южный ветер, и море вскрылось. Снежные волны на лагуне казал. движутся. Опять Уэлен!

(Рисунок кита с трубкой. Подпись: грустный кит.)

Грустный Кит (Fhe Sad Whale)

Кит сказал: «Надо бы почистить свою трубку. Давай почистим наши трубки. А потом позовём Антошу и выпьем».

– Я не гренландский кит, – сказ. он. – Я обыкновенный. Эти гренландские киты – большие нахалы.

– Я курю «Флотский», хотя и предпочитаю «Капитанский». Но его здесь не достанешь. Видишь ли, когда куришь трубку, чувствуешь себя как-то спокойнее. В Москве я курил сигареты, – сказал кит. – В Москве трудно быть созерцательным. Мне, по крайней мере, не удавалось. – И он снова набил свою трубку.

– Кит, но ты говоришь, как Хемингуэй, – сказал я.

– А я и есть Х-й, – сказал кит.

– Но он же умер!

– Это не имеет значения. После смерти он превратился в кита, т.е. в меня. Бывает хуже. Когда я плаваю, я только на одну восьмую высовываюсь из воды. А критики превращаются в навагу – есть такая глупая рыба. Недавно я встретил Фолкнера и других ребят – они гоняли навагу. Эх, и блистательно же мы её гоняем!

– Кит, у берега много наваги было сегодня утром.

– Чёрт с ней! Лучше выпьем, – сказал кит. – Я прочёл свой рассказ в журнале «Огонёк», и мне стало немного грустно. Но это сейчас пройдёт. Я просто вспомнил мою Мэри и как мы напились тогда в Африке после этой дурацкой catastrophe. Я тогда чуть-чуть не превратился в кита.

23 нояб.

Снег уплотняется при южном ветре. Море вскрылось по всему горизонту. По ту сторону сопки – день.

24 нояб.

Ночью сильный южный ветер. Море открылось возле самого берега. На берегу стоят чукчи и смотрят в бинокли. Утром – гряда багровых тёмных облаков над сопкой. Антоша совсем не знает, что такое влюблённость в себя, свойственная многим женщинам.

(Рисунок кита с трубкой. Подпись: спокойный кит. The whale rests.)

26 ноября.

Уэлен – это точка отсчёта страстей, страданий, волнений, обращённых в прошлое, со знаком «минус». Сам Уэлен – это нуль, абсолютный покой.

Антошин сон: Я стою, окружённый многими женщинами. Здесь в с е, как сказ. Антоша. В руке у меня моё сердце, оно железное, а у всех сердца-магниты. Я предлагаю своё сердце той, у кого магнит сильнее. Все достают сердца, и Лизик здесь, он развёртывает большой носовой платок, там его сердце. «Это папин платок», – объясняет он Антоше. И Элич здесь, пробирается бочком, словом в с е, и все со своими сердцами, и Антоша извлекает своё и с ужасом видит, что оно очень маленькое в сравнении с прочими – большими, огромными сердцами.

Ходил на сопку и смотрел сверху на Уэлен, и как двигалось солнце, как льды далеко в море осветились и стали видны, а потом померкли.

Неск. дней южного ветра, и море открылось до самого горизонта.

На юге между сопками равнина уходит далеко, она вся была розовая от солнца, когда Уэлен был уже в тени. Её видно с вершины сопки.

Страдания со знаком минус – это придумано неплохо. Минус любовь, минус тщеславие... Но это не тот случай, когда минус на минус дают плюс.

27 н.

Туман на море, и солнце выхватывает из тумана отдельные льдины.

28 нояб.

Пароходрог'э – безличн. образ, приближит. «запароходило», т.е. море открылось, и может прийти пароход.

Амнан – одинокий (собака).

Сегодня самолёт сел на лагуну, и все бежали к самолёту – типичная фотография «На далёкий север пришла почта». Но она не пришла.

Звёзды падали отвесно. Но я не мог долго стоять здесь, в темноте. Я слишком хорошо видел себя со стороны.

В 57-м году в Братске мне и в голову не приходило вести дневник, и многого я не помню из той жизни... etc.

Чукотка хороша тем, что здесь отвыкаешь от доброжелателей, вмешивающихся в твою жизнь.

30 нояб.

Вчера ездили за льдом на 2-ю речку.

[Уэлен практически в окружении воды: с одной стороны косы море, с другой – лагуна. Но с пресной водой всегдашние сложности. Летом весь посёлок ходит за водой к сопке, там есть небольшой ручеёк. Зимой проще: или пилили слежавшийся снег на сопке, или собирались мужики с ломами, брали трактор с санями и ехали на речку. Неглубокие чукотские речки промерзают до дна. Потом развозили эти куски льда по домам. В каждом доме имела большая железная бочка, на 200 литров. Чувство законного удовлетворения, когда среди ночи вдруг слышишь, как на кухне, в твоей бочке, шуршит и обрушивается подтаивающий лёд. Наколотый тобой лёд...]

2.12.64.

Доктор, с большим трудом выработавший в себе дух товарищества, и потому непримиримый ко всем, кто...

Не замечали ли вы, что вам очень легко с людьми, считающими вас эгоистами? Этим вы как бы освобождаетесь от всяких обязанностей по отношению к ним.

Уэлен и Крейцера соната – две вещи несоместные.

[За рассказ «Страшный человек Крейцер» принялся почти сразу, как вернулся с Чукотки. Потом, почти лет десять, безуспешно пытался его напечатать. Наконец кто-то из понимающих просветил меня: редактор и иностранное имя Крейцер, да ещё в заголовке, – тоже две вещи несоместные. Ещё редакторов пугает слово «страшный». Пришлось напрячься и придумать другое название: «Тогда, на Звенигородской». После чего, кажется, в «Лит.России» сжалились и опубликовали. Кстати, тогдашний завлитотдела звонила и спрашивала: «Что мне про вас написать?» Полагалась редакционная вводка. «Напишите просто, – отвечал я. – Солнце русской прозы». – «Да ну вас! Я вам серьёзно...» А что могло быть серьёзнее?..]

3 декабря.

Прошлой решалось легко, как задачка по арифметике, но возвращаться к нему было неинтересно – всё равно, что пойти в 5-й класс.

И честолюбие твоё, проделав огромный путь, угомонилось. Consummatum est.

4 декаб.

Сделать достаточный разбег для того, чтобы, потеряв здравый смысл, ещё двигаться по инерции.

«Искусство вести дневник». Дневник – это такое же искусство, особенно, когда имеешь в виду потомков, – и проч. Дневник должно вести с видимой небрежностью, и проч. А этот

цинизм великого человека?! Инфернально! А снисходительная игра с читателем? Лично я ни одному своему слову не верю... Прикинуть заранее, какой суффикс может иметь название обществ. движения, образованное от твоего имени – на -ств или, скажем, на –щ. Если на –щ, то вообще лучше не образовывать.

[Читал в студенчестве о каком-то философе (кажется, о Б.Расселе), что он, ещё ничего не написав, ещё в юности взял листочек бумаги и перечислил названия всех своих будущих произведений. Потом ему оставалось только написать их. Примерно то же у меня в уэленском дневнике. За три года в Уэлене я не сочинил ни строчки. Но будущие заголовки мелькают то и дело. И многие потом воплотились. Но «Искусство вести дневник» так и осталось – в проекте. В последний раз я упомянул о нём сравнительно недавно, в эссе «Кот, спящий на Хемингуэе». «...даже возникла однажды идея – написать вещь под названием «Искусство вести дневник». Что-то вроде руководства... Но постепенно идея заглохла – вместе с интересом к вышеозначенным проблемам...» («Дружба народов», 2009, № 6)]

7.12.64

Антоша приезжает в Африку, и ему говорят: «Вот уже три года, как в наших местах живёт известный русский писатель – Василевский». Мы не виделись двадцать лет. «Интересно, узнает ли он меня», – думает Антоша.

– Он здесь недалеко со своими мамонтами.

– Проводите меня.

Они идут. Вскоре показываются клубы пыли.

– Далее вам придётся идти одной, – говорит гид и уходит.

Антоша идет и видит: я выхожу из кустов – старый, но довольно крепкий ещё, с седой бородой и повыше моего роста.

– А-а, Антоша, – говорю я, ничуть не удивившись. – А это вот мои мамонты...

8.12.64

– А-а, Антоша, – говорю я. – А это вот – мои мамонты. Видишь ли, я понял: их надо не убивать, а приручать. Каждый мамонт – это какая-либо из моих черт. Моё тщеславие, мой эгоизм, любовь к женщинам и проч. И я приручил их.

И тут, В ЛУЧАХ ЗАХОДЯЩЕГО СОЛНЦА Антоша замечает, что от меня к мамонтам тянутся тончайшие золотистые нити.

– Но они же привязаны! – восклицает он.

– Да. Зато я могу делать с ними всё, что хочу. Недавно мы побывали на Килиманджаро, и вот с ним (я обнимаю за шею ближайшего мамонта) написали рассказ. А теперь мы задумали большой роман в стихах. Там будет масса противоречий...

– А помнишь, ты учил меня охотиться на мамонтов? – говорит Антоша. – Можно мне убить одного?

– Я теперь стар, и it doesn't matter, если я лишь в какой-нибудь черты. Только не убивай вот этого – это мой талант.

Антоша оглядывается и видит в стороне мамонта, единственного, кот. не привязан.

– А этот? – спрашивает он.

– Этот? – Антоша замечает странную улыбку на моём лице. – Я его не знаю. Он давно уже ходит за мной, и я никак не могу от него избавиться. Два раза я его сильно избил, и он отставал, но каждый раз, когда я уже думал, что он ушёл совсем, он приходил снова. Я не знаю, что это за мамонт.

Антоша стреляет и убивает его, и тут на его глазах я превращаюсь в дряхлого старца с трясущимися руками, я бросаюсь к убитому мамонту, обнимаю его, плачу и кричу:

– Что ты наделал, ты убил свою любовь!

– Но ты же прогонял и бил его?

– Ах, Антоша, что ты понимаешь?!

(Продолжаю плакать и обнимать.)

[Здесь – изложение очередного Антошиного сна, как она мне его рассказала. Потом я даже думал: мне бы не шастать по стране, не напрягаться в «изучении т.н. жизни», мне бы сидеть возле Антоши, и записывать, и поражаться, и пытаться понять её удивительные сны. И вычислять, откуда там и что намешалось.]

– Белеет парус одинокий... О чём это стихотворение? – спросил я учеников.

– А это как один матрос убежал от полиции, – отвечали мне.

[Ученики мои не помнили Лермонтова, но фильм по повести В.Катаева они видели.]

9 декаб.

И кофе в «Насьонале» за гроши.

И пусто так же, как в желудке,

Когда ты только кофе пил с утра.

(Почти стихи)

Кругом тебя всё гении сидят,

И каждый гений гению est lupus,

И девочки, их юбки, свитера,

И мальчики, их сигареты... Игра!

Нотипцилус! Ты тянешь свой двойной...

10 декаб.

– 38°. Абсолютный минимум – 45°.

С сопки далеко в море дымящиеся разводья.

На днях первый раз после Москвы попробовал писать «Дерево». Мне кажется, что оно никогда не получится у меня, если я всё, что там было, не соединю с настоящим. Бесконечно качается колыбель, соединяя Прошломое и (зачёркнуто: Будущее) Настоящее.

11 декаб.

Вчера самодеят. в клубе. Нутетегин «Ворон» – 5+. Гоном «Охота на уток», «Охота с копьём», «Охота под парусами».

«Новый завод», «Космонавты». Плясать – надевают рукавицы. Утоюк и Эйнес ставили от-

метки, и Утоюк покрикивал: Окё-кё-кё-ё. Гоном орал, альвальбян были напуганы.

Томик Пушкина в шк. библиотеке, где некий предшественник отметил строки:

Сиди под кровлею пустынной,

Читай: вот Прадт, вот W.Scott.

Не хочешь? Поверяй расход,

Сердись иль пей, и вечер длинный

Кой-как пройдёт, а завтра то ж...

(И славно зиму проведёшь.)

И ещё:

Пора покинуть скучный брег

Мне неприязненной стихии...

[Использовал затем эти выделенные строчки в своём романе и в «Шторме в Уэлене».]

12 декаб.

С утра по хорошей погоде ждёшь самолёта. В обед уже начинают плавиться горы на юге. Вечером, зевая, берёшься за перо, но – лучше перестать об этом думать.

13 дек.

Природа здесь располаг. к созерцательности. Я стоял и выучил, как выглядят горы на юге. Они выглядят так. (Здесь рисунок линии гор, закатный фон – красными учительскими чернилами.) Идёт и ещё раз смотрит, как. Когда закат.

[Антоша тоже, оказывается, любил смотреть на эти горы. Из её дневника, в том же декабре: «Сегодня ветер, и не видно моих любимых южных гор. Особенно хороши они на закате, когда над морем с севера уже совсем темно, а над горами пронзительно нежное и яркое небо и контуры их чётки и темны, чуть сиреневые. Похоже на электрокардиограмму. Они тогда совершенно теряют свою выпуклость... А небо над ними темнеет постепенно. Сначала оранжевое, выше – совсем светлое, а дальше – всё темнее и темнее. Хорошо!»]

Всё отпадает и не имеет смысла здесь, и единственно, что имеет, – быть спокойным, и, даст бог, убедишь себя и привыкнешь на будущее.

15 декаб.

Писатели и скульпторы. И не спрашивай фамилии: не читал – неудобно, читал – ещё неудобнее.

– Мы – тихие люди, – сказ она. Голова Нутетегина. А Гонома мы испугались. И разговор о соц. реализме.

[Приезжали в те дни в Уэлен писатель Виктор Болдырев и жена его, скульптор Ксана Ивановская. Виктор Николаевич был автором знаменитой «Гибели Синего Орла», снова приехал на Чукотку собрать материал для новой книги. А Ксана лепила бюст Нутетегина. Славные люди, в Москве они жили на Старом

Арбате, потом мы: Олег Куваев, Алик Мифтахутдинов, Юра Васильев и я – любил у них собираться. Предпочитали почему-то сидеть на полу, промеж нас, конечно, бутылки и – разговоры, бесконечные наши разговоры о Чукотке. Потом Алик написал о Болдыреве и Ксане рассказ «Головы моих друзей». А потом Болдырев и Куваев умерли почти одновременно, вслед друг за другом: Виктор Николаевич в феврале 1975-го, шестидесяти лет, Олег – в апреле, сорока всего лет. В тот год на лето у них как раз был план: сплавиться по какой-нибудь чукотской реке...]

Как писать?! Я не знал тогда ни лагерей, ни Сибири, ни себя. Что я знал? Погружённость в себя и наблюдение. «Вот об этом и напиши», – как сказ. ты Антоше. Что он сказал? Ночью ветер шумит, как море? Написать о том, чего не знаешь, и объяснить, как не знаешь, почему не знаешь.

Ветер порядочный, норд-ост.

16 дек.

Ночью стоял и курил трубку. Светло и тихо, и собаки спят на кучах золы, которую выбрасывают днём.

17 дек.

Антоше приснилось «идеологич. собрание». «Надоело говорить и спорить и смотреть в усталые глаза, – говор. оратор. – Посмотрим лучше в ясные, чистые глаза советской интеллигенции».

(Посередине дневника, но за это число, рукою Б.Фрейлиха вписаны его стихи:

Сидим.

Едим.

Пьём.

В потолок плюём.

Сидим –

тулька, водка.

В потолок плюём.

На троих молодка.

Пьём.

Ни тишины,

ни звука.

Пьём.

Сжука.

Б. от Б. 17/XII – 64.

20, воскр.

–4°. Ветер 22 м/сек. с юга. Вчера – Ивакин и материальн. основа культга личности. И его руссоизм. Но с социальностью и необходимостью скептицизма он согласен.

Книга С.Маркова об Аляске, изданная Главсевморпутём в 1948 году. «Летопись Аляски»?

Что означает татуировка у чукчанок? Зн(аю) 2 варианта: половую зрелость и количество оленей у отца.

(Рис. кита с трубкой, почему-то в чешуе, и подпись: The bad whale)

[Неисповедимы пути и возможные соединения. Книгу Сергея Маркова «Летопись Аляски» нашёл в уэленской библиотеке у полярников, тогда же прочёл, но мог ли в то время предположить, что именно эта книга, и В.Арсеньев «Дерсу Узала», и примкнувшая к ним моя «Заря космической эры, или Русская Атлантида» (такой книги тогда вообще ещё не существовало, даже в моём воображении) выйдут в единой серии в Тобольске в 2010 году.]

21 decembre.

Влекла, как ни странно, романтика, но стоило приехать – оказывались будни, причём, по рассказам, романтика кончилась вот-вот, незадолго перед приездом. И так всю жизнь, и можно было бы давно понять, что причина этого в нём самом. Но в воспоминаниях прошлое опять становилось ром-кой.

22 дек.

Кто не видел, как толпа в Уэлене бежит к самолёту, тот ничего не видел.

2 посылки, письма. Счастливым день!

После N-ой тысячи км., расстояние начинается играть ту же роль, что и время – всё проходит.

24 дек.

Нигде, кроме Уэлена, не был, но однажды задал ученикам сочинение «Мой родной посёлок». Здесь были ребята из Инчоуна, Энурмина, Чегитуна, но если бы он не знал, он подумал бы, что все они описыв. Уэлен: с востока мыс и сопки, с севера море, на юге лагуна, к западу пролив и мыс.

Любимая шутка в Уэлене – сказать, что столовая закрылась. И всегда с одной шуткой. Виделись в основном в столовой. Собирались, как в клуб.

И ещё что-то пришло в голову на днях, но забыл.

Москва, и постоянн. взвинченность, кот. поселяет в тебе иллюзию активн. воспр. жизни, иллюзию творчества.

Да, и одному тебе понятный смысл: не отражать, а вбирать.

Почему не идёт «Дерево»?

Просыпается Антоша и рассказывает сон. Уэленское уэдинение. Писатели и скульпторы вчера улетели.

(Рисунок: симбиоз самолёта «Аннушки» и кита с трубкой.)

За стенкой орала на своих третьеклассников миловидная Марья Ильинична.

Вертелся в голове обрывок фразы: «...даже самые чуткие, самые тонкие, самые любящие из них». А что – «даже»? Тем, кто жил и чувствовал, достаточно, чтобы понять... А что нас спасёт? Конечно, не любовь женщины. Может, когониб. она и спасёт, но только не нас! Верно, старина?

Г-ди, убавь силы и дай любовь человеческую!.. Убавил, дал...

29-ого.

Сег. было четыре борта. Каникулы. И сон про Москву. Я в университете преподаю историческую грамматику и физкультуру, и объясняю Ек. Аркад., нашему инспектору курса, как можно сделать, чтобы работать попеременно то в Уэлене, то в Москве.

30 дек.

Елка. Пантелеев – робот. Пантелеева: – Спросите, спросите у него, что за костюм.

6 часов ночи с 4 на 5-е января 1965 г.

Не забыть, как 1-го утром над сопкой летели утки на север.

1965

8.1.65.

Сев. сияние. Вчера пили за здоровье И.Х. и желали ему успехов в работе и личной жизни.

Начинаю и начинаю писать, но всё это похоже на добросовестный авансовый отчёт для бухгалтерии. Ан-ша, вместо того, чтобы лечь спать пораньше, со всей его чуткостью и пониманием сидит, курит и глазееет.

(Рис.: кит с сигаретой, подразумевается Антоша, подпись: Antony stares.)

11 янв.

Снилось мне недавно, что я Оскар Уайльд, не то иду куда-то с Оскаром Уайльдом, и ещё что-то интересное о метафизике души. Я подумал ещё, что надо запомнить это, когда проснусь, и, помню, тут же пришла мысль (во сне), что наяву это может оказаться бессмыслицей, как часто это бывает, и тогда ещё раз – не просыпаясь – проверил и решил: нет, действительно интересно.

12.1.65.

Снился Гамлет и жандармский полковник, который сказал ему: «Даю вам честное слово, что сегодня в 7.00 вы будете расстреляны. А пока – можете идти». Я был Горацио и двинулся было за Гамлетом, но он сердито бросил мне: «Дальнейшее – молчание, Гор-о, разве ты забыл?»

15 янв.

«Три года оставаться самим собой – это ужасно!»

16, суббота.

Антоша беспокоится, что нет писем из дому. Был самолёт, но «ледовый».

18 января.

В прошлое мы возвращаемся одни, и никогда не возвращаемся вместе. Тем более, что общего прошлого уже нет, каждый переделал его для себя. Профильтровал его сквозь хитросплетения надежд, самолюбия, разочарования. Жить-то надо!

(Рисунок: самолет, он же кит.)

Par ex.: Этот человек не уверен даже в своём прошлом. Во всяком случае, уж в прошлом-то своём я уверен. Можно быть уверенным в будущем, но как утвердиться в прошлом? Неуловимое прошлое. Дилемма прошлого. У этого человека было твёрдое, окончательное прошлое. Мы здесь для того, чтобы в тишине и уединении придать нашему прошлому завершающие штрихи. Отделочные работы.

21 янв.

Заяц был слабого лимонного цвета на белом снегу.

Тёмное пятно копоти в море у берега, против Уэлена.

Очень тепло было. Убил куропатку.

[Вблизи снег не отличался, но когда смотрел сверху, с сопки, отчётливо было видно, что возле посёлка он тёмный – со стороны моря, когда ветер дул с юга, и со стороны лагуны, когда с севера. Наносил дым из печных труб.]

25.I.

Сознательно наблюдать можно только то, что было до тебя замечено. Не наблюдать – а вспоминать то, что было воспринято бессознательно и творчески переработано потом памятью, неповторимой, твоей памятью. Короче, не запоминать, а вспоминать. Не отражать, а вбирать, и т.д., совсем как мой приятель – whale.

(Рисунок кита с трубкой и подпись: Whale watches)

30 янв.

Ни злонамеренной случайности, ни разумной необходимости, а равнодушная инерция мира.

Ловил рыбу в трещине. Все сейчас ловят рыбу, которую кто называет навага, кто сайка, – на красную тряпочку.

На том конце играли в преферанс, на этом – в «тысячу».

Книга Турбина в Уэлене. И друг тундры – чукча.

[Я уже упоминал о ней: книжка Турбина «Товарищ время, товарищ искусство». Нашлась в нашей бедной школьной уэленской библиотеке! Дальше намёк на пушкинский «Памятник»: «и друг степей калмык». То есть слух о Турбине дошёл и до Чукотки, теперь о нём знает и друг тундры – чукча. В Антошином дневнике – она Турбина, конечно, знала и книгу его читала, – тоже об этой находке: «Нашли в школе за шкафом книгу Турбина. Судьба играет человеком... и его творениями. Плод его мысли зарос пылью за шкафом одной из чукотских школ.»]

Сделали рукоять к ножу. В безвкусице, лишённой претензий, есть своё очарование.

1 февраль.

Пантелеевы. Сын матери: «Я тебя люблю, ма-

ма, за то, что ты много страдала». Достоевская семья.

«Местный хулиган» Козырев. Зовёт жену «вы» и «Нина Александровна», а она его – Сашей. – Дневник провинциала.

[В романе у меня, с моим неумением придумывать, Пантелеевы – Пантюхины. А вот директор школы Козырев, он – Тузов. Директор школы, по специальности математик, на Чукотке к тому времени жил уже лет десять и, как учитель, давно уже дисквалифицировался. Математику помнил на уровне 5-го класса, потому что преподавал всегда только в пятом. О грамотности вообще не говорю. Но как директор вполне соответствовал, был на своём месте. За 10 лет накопился порядочный опыт – и в отношениях с учениками-чукчами, и с учителями, и в знании Севера. Как говорил мой герой: «Наш директор хорош уж тем, что не мешает работать».]

Слишком универсальный способ спасения – всего человечества. Для отдельного человека не годится.

Полоса снов о ней, как осенью полоса звёздных дождей. И обрываются так же внезапно, и гаснут, и теряются – без начала и конца, в темноте.

А мы вкладываем в свои сочинения слишком много крику. Крик и айсберг – две вещи несовместные. Вот почему подтекст для нас не годится. Подтекст годен для отчаяния – был годен для спокойного, равнодушного отчаяния, подтекст грудных младенцев – в крайнем случае испачканные пелёнки. Подтекст испачканных пеленок.

[Впоследствии под этим названием («Крик и айсберг») написал статью о Хемингуэе. Но общая любовь к Хемингуэю уже прошла, статью не напечатали, и сам я не знаю, куда она подевалась. Рукописи не горят, но они, чаще всего, теряются.]

5.И.

Солнце порядочно поднимается над сопкой, и в 4 часа ещё светло.

6 февр.

У кофе вкус московских бессонниц.

За грань невозможности...

Воспоминание воспоминания.

После того, как я уехал из Братска на Устье, я ни разу не вспоминал Иг. М-на, и тем более ни разу не думал о нём, а начал думать, когда...

Из Б-ка я уехал в начале 58 года, и всё время, что я работал на Устье, ни разу не вспомнил Иг. М-на, и тем более не думал о нём. Вспоминать и думать я начал спустя два года, когда уже учился на втором курсе университета, и не могу сказать, как это началось. Я тогда целую зиму регулярно ходил в нашу университетскую читальню и смотрел разные умные книги, а в них рецепты спасения человечества, настолько ясные, настолько убедительные,

что оставалось только удивляться, возвращаясь домой по пустынным заснеженным улицам, как это до сих пор человечество не пришло, не прочло и не спаслось.

[Да, решил тогда бросить писать (хотя толком ещё и не начинал), но одна мечта оставалась: написать рассказ «Для дерева есть надежда», о своей Сибири 57–58 гг. И время от времени всплывали разные фразы.]

Как медведь стоял на подоконнике и стихи Элюара:

*Прильнув лицом к стеклу, как верный страж,
А подо мной внизу ночное небо,
А на мою ладонь легли равнины
В унылости двойного горизонта.
Прильнув лицом к стеклу, как верный страж,
Тебя ищу за гранью ожидания,
За гранью самого себя.
Я так тебя люблю, что я уже не знаю,
Кого из нас двоих здесь нет.*

Может, это началось, когда я прочёл книгу Иова и нашёл в ней те самые слова, что Макарян любил повторять, особенно когда в(ыпь-ет?) и когда собственная погибель представлялась ему неотвратимой и окончательной: «Для дерева есть надежда... да, как же это?.. для дерева есть надежда, что, если и будет срублено и корень замрёт в пыли, но лишь почувствует воду, снова оживёт и отрасли из него выходить не перестанут. А человек – слушай, Боря, – человек отошёл и распался, и где он?»

Я не знал тогда, откуда эти слова, и вообще знал достаточно мало, чтобы быть уверенным в себе, и слишком был уверен в себе, чтобы сочувствовать кому бы то ни было. То есть я бывал и неуверен в себе, и слаб, но моя неуверенность и слабость – всё это было только во мне, только абстрактно, в вечном смысле (непонятно и неразборчиво).

...и тогда я не удивился, а только исправил ему ошибки, а теперь, нет, потом, в университете, поразился, как он мог писать и на что же он надеялся. Теперь-то я опять не удивляюсь.

А в университете я пришёл к выводу, что единственное, чем я ещё могу ему помочь, – это не жалеть, что я и делал бессознательно тогда, в 57-м, в Братске.

когда самому захотелось ещё раз пройти и проверить весь путь человеческой мысли

Раньше это называлось провинция, а теперь – периферия.

В том, что он чужие правды (?) взял себе – имел он на это право или нет? В университете (этим словом я буду обозначать начальную пору моего обучения) я думал, что нет, а теперь мне кажется, что имел.

Ничто само по себе не волновало меня, всё имело значение только как символ – природа,

люди. Теперь я ясно видел его отчаяние (т.е. в университете).

Человек мог быть каким угодно, но будь он умён и имей чувство юмора (впрочем, что одно и то же)...

9 февраля.

Когда их не любишь – они плачут, любишь – делаются самодовольны.

Что может случиться в Уэлене из того, что человек просто пошёл прогуляться? В воскр. я купил часы и мы выпили фр(анцузский) коньяк, котор. оставляли на день рожденья.

Полоса ребусов, кроссвордов и шахматных задач.

Никому из них, наверное, не приходило в голову в процессе работы столько заведомого словесного хлама.

Располагаешь, располагаешь, рассчитываешь, пока он вдруг не расположится независимо от тебя.

10 февр.

Одиночество во сне. Завтра полгода, как из Москвы. Ничто не уходит навсегда, и это – к лучшему, надо только уметь извлекать из этого «радость бытия». Последние слова следовало бы написать по-немецки.

11 февр.

Утренние часы, когда жена спит и можно побыть одному.

Поступая в унив-т, боялся убить в себе непосредственное восприятие литературы. Видеть, как это сделано, все его ходы, уловки, повороты – сейчас для меня, пожалуй, единственное удовольствие. Если, конечно, это сделано хорошо. Но этим я обязан не университету.

(Рисунок кита с книгой, сквозь которую торчит трубка.)

15 февр.

Перефразируя «Чилд-Гарольда»: «Любил многих, прельщал любовью одну».

[У Байрона, насколько я помню: «Любил одну, прельщал любовью многих.»]

16 февр.

Снился мне сон, что почти полгода живём мы с Антошей в Уэлене, ходим в школу давать уроки, в клуб редко, больше сидим дома, и что я безумно люблю Антошу.

17 февр.

Разочарованность – это роскошь, доступная только в молодости.

18 февр.

Другие мечутся и усугубляют. Я ложусь на диван и спокойно переживаю. Я знаю – таков мой ритм.

Лет семь назад уэленское одиночество пошло бы мне на пользу. «В уединении мой свое-

нравный гений...» и проч. Сейчас же можно тупеть, дичать... И всё же чего-то я жду, тревожусь. Представить, что ты уже отдал дань любви, дружбе, тщеславию и красоте, и успокоиться.

Если у вас есть женщина, которая...

Когда писал «Озеро» – «вдохновения» не было. Я писал спокойно и расчётливо. Оно пришло потом, когда я закончил перепечатывать начисто. Я дрожал от возбуждения и ругался матом... Для «Дерева» мне не хватает промежуточного звена. Это будет не воспоминание, а «восп. воспоминания». Мне кажется, что я подвинулся вперёд

19 февр.

Полная луна и Большая Медведица стоит прямо над головой. Сопка при луне кажется плоской и низкой.

23 февр.

Сияние было, как серпантин. Змеилось.

Поц из области и хуй из района.

[Какие-то «проверяльщики». Но чем был хорош тогда Уэлен – всякого рода начальство наведывалось к нам редко. Боялись застрять из-за нашей непогоды месяца на два. То есть имелась возможность спокойно работать.]

24 февр.

Вчера, подготовив урок, я был доволен им, как произведением искусства. И отдельные фразы на уроке.

25.2.

Он лежит на кровати с трубкой и журналом и решает головоломку.

– Инженер пьёт чай и живёт... Где? Шофёр живёт в красном доме. В зелёном пьют молоко...

Она проверяет тетради.

– Первые, ещё не уверенные шаги... Не уверенные – отдельно?

Он:

– Пояснительное слово «ещё»... В домино играют рядом с «Астрой»...

Сон, как местами засвеченная фотопленка, – отдельные кадры. Или воспоминание.

26 февр.

Как сказал Антоша, крыса № 1 улетела.

[Замечательно было то, что мы с Антошей учились вместе, читали одни и те же книги, помнили. И не надо было ничего друг другу растолковывать. Например, насчёт «крысы № 1» я сразу мог вспомнить сон гоголевского городничего в связи с приездом ревизора – про «двух необыкновенных крыс». «Пришли, понюхали – и пошли прочь.»]

27 февр.

Отдельные тонкие лучи вырывались из сияния вертикально вверх, как тонкие струи воды

вырываются из проколотого резинового шланга.

[Интересно, что в Уэлене мы никогда не наблюдали многоцветных, «классических» полярных сияний, развернутых по всему небу, как неподвижные полотна. Сияние там было всегда бледное, с зеленоватым оттенком, возникало обычно над морем, как небольшая узкая полоска, и мгновенно вдруг перемещалось, с одного края неба на другой. К таким сияниям очень подходило поверье чукчей, что это места, где обитают души людей, умерших внезапной, насильственной смертью. Т.е. не было им, наверное, покоя...]

2 м-та.

Антоша видел сон, как мы сидели с Артуром Миллером в кафе «Арбат», и я говорил с ним о литературе и всяких тонкостях мастерства, и А.М. бормотал: «Да-а, до этого я ещё не дошёл».

Был на почте и читал «Фаталиста» с тем удовольствием, котор. получают от хорошо известного музык. произведения, – не вслушиваясь и не напрягаясь, чтобы понять, а просто отдаваясь воспоминанию старого привычного наслаждения.

[В Уэлене был домик, в одной половине которого помещался продовольственный магазин, в другой – промтоварный. Книжного магазина не было. Книжки, поступавшие в посёлок, оставались на почте, там же и продавались. Спокойно стояли за стеклом авторы, за которыми в Москве бы ломались. А в Уэлене конкурентов у меня не существовало. И я там покупал Фолкнера, Стейнбека, Фицджеральда, Моравию и т.п. Какое-то время начали выходить одна за другой книги «большого друга Советского Союза» Рокуэлла Кента с его же рисунками: «Гренландский дневник», «Саламина», «В диком краю», «Курс N by E». Кент прочитывался с особенным вниманием: там тоже был Север, тоже эскимосы, в таких же нерпичьих портках, не прикрывающих поясицу, но... это были эскимосы с другой стороны, из недоступной нам жизни... А можно было зачитаться там же на почте, вот как я лермонтовским «Фаталистом». Работала там Тамара Кирилловна, жена Ивакина, и она ничего не имела против, что я стою себе в сторонке, воткнувшись в какую-то книгу.]

В юности ты искал гармонии, теперь ты ищешь спокойствия, в юности ты думал о славе, теперь думаешь о спокойствии, в молодости ты хотел любви, теперь ты хочешь спокойствия.

– И хлеб поздних лет.

4 март.

Сегодня мне показалось, что я начал правильно, и ещё казалось несколько страниц.

Сопка, вершину котор. видно на востоке, назыв. «Колдун», и по ней чукчи предсказ. погоду. Если вершина закрылась облаками – жди южного ветра.

Вспомнил я сейчас это сравнение – страшноватый, как подъезд, где в темноте ступеньки неожиданно обрываются вниз.

Всё это можно потом вспомнить как: «...где в течение трёх лет ничего не писал». Но я-то знаю сейчас, что писал.

История любви, котор. рассказ. Фрейлих, очень похожа на повесть из «Юности». Так же трагично, непонятно, безумно и молодо. Он рассказывал её при мне дважды, и я не мог не отметить, что рассказ. он слово в слово.

Может быть, «Peter, действительно, wastes time?» Когда-то ты гордился, что не оставляешь себе лазейки. Aut Caesar, aut nihil, – так, кажется? Теперь, вероятно, надо приучаться к мысли, что... теперь надо искать мужество в том, чтобы делать другое дело? Но все это мысли... ты знаешь, что едва о н о придёт к тебе, ты вернёшься и к той гордости, и к презрению... Умей быть побеждённым, умей быть и победителем, чтобы в дни следующих поражений не думать, не сожалеть. Слабость человека, боящегося вкусить от победы...

9 марта.

Авдей сказал, что спирт разбавили по широте – 66° 6'.

7-го марта на полярке кто-то мне оторвал ухо у шапки, 8-го благоволение в человецех было восстановлено.

[На полярке, как всегда, с размахом отмечали Международный женский день 8 марта... Антоша в связи с этим праздником рассказал, что видел, как какой-то чукча покупал дорогие духи... забыл, как они назывались, но фигурный такой флакон в виде кремлёвской башни. Кажется, «Красная Москва». Действительно, дорогие. И сказала продавщица: вот, мол, какой молодец, покупает жене к 8 марта такие духи. «А вы выйдите на крыльцо», – посоветовала знающая продавщица. Антоша вышел и увидел: красивая коробка валяется на снегу, пробка у флакона свёрнута, и чукча тут же, не сойдя даже с крыльца, пьёт из этой «кремлёвской башни».]

12.3.65.

Все камни на сопке наконец скрылись, и сопка теперь вся белая. Все ходят в тёмных очках.

13 марта.

Кто сказал, что в этом уединении и спокойствии ты сделаешь что-нибудь стоящее? Только в Москве... – кто сказал, что ты вообще что-нибудь сделаешь? – тебе это было нужно, чтоб вырваться из суматохи мыслей, из гонки чувств, больше из гонки чувств, чем суматохи мыслей, – и стиль его был стилем учителя, вдалбливающего ученикам, – где безнадежно отстаёт тот, кто на минуту запросит пощады, так тебе казалось, и из боязни быть побеждённым ты всё увеличивал и увеличивал скорость, а на самом деле все они уже давно про-

силы пощады, и ты понял, что побеждён, ибо один не может быть победителем, должны быть 2-е и 3-и места, победили побеждённые, потому что вдруг все перестали бежать.

14 марта.

Сейчас приду, мой Генка ругаться будет, – сказ. пьяный Фефелов. – Он у меня настоящий старик. Отцы и дети. Отцы – дети, дети – отцы.

[Семён Фефелов – наш знаменитый уэленский пекарь. В «Охоте на гусей у Инчоунской сопки» он у меня Липкин. И наблюдение, что отцы и дети как бы поменялись местами, – тоже его. «Я его стариком зову, дома он мной командует, я слушаюсь...» Я упоминал о нём потом и в романе.]

15 марта.

Фефелов называет свою пекарню крематорием, а хлеб – аммоналом.

16 м-та.

На горизонте над морем чёрный туман – море открылось. Солнце нач. греть.

19 м-та.

Градусов не более 5. С крыш капает.

21.3.65.

(Ничего не записано).

[Мы с Антошей и родились почти одновременно, в 1939 году, в марте, она 20-го, я 22-го. Поэтому понятно, что на другой день после 20-го «ничего не записано».]

22 м

Неожиданный сильный ветер с юга. Всё тает. С крыш льёт. Бугры на сопке, где кладбище, почернели.

[Как объяснено у В.Леонтьева, старожилы Уэлена, а затем магаданского писателя и учёного, одно из толкований названия Уэлен (Увэлен) – «чёрная земля», т.е. те самые чёрные бугры на сопке, проталины.]

23 м.

Вчера вечером был дождь. Каникулы. (Рисунок кита в свитере и со стаканом в руке.)

25 м-та.

Я пытаюсь вспомнить, как это случилось, что я писал раньше. Я понимаю, что в этом деле, как в любви, не должно быть опыта, если хочешь написать по-настоящему. Но каждый раз начинать сначала – слишком мучительно. (Далее зачёркнуто: С той же неуверенностью в себе...)

1 апреля.

Не ответил до конца ни на один вопрос, а разрешал его лишь настолько, чтобы задать себе новую загадку.

4 апреля.

Взял у Алика машинку и печатаю «Дерево» на диаграммной ленте по полметра в день. Плохо. Снег на сопке местами оттаял, покрылся коркой и блестит. Погода весь день отличная, весь день мучился над машинкой и про себя. Неужели я так и сгасну с этим безнадёжным желанием... – так, кажется, а вздор.

[Алик – метеоролог с полярки. «Неужели я так и сгасну...» – цитата из «Героя нашего времени». Потом в романе часто прибегал к такому скрытому цитированию, там полно подобных намеренных реминисценций, но теперь и сам позабыл, откуда что... Действительно: человек, набитый множеством прочитанных книг, множеством запомнившихся чужих фраз – несчастный, в общем-то, человек...]

Опять мороз и сев. сияние. Дело, как всегда, за композицией и интонацией. Комп. у меня нет, интонация мне не нравится. И вообще, как ни странно, вместе с желанием писать у меня появл. отвращение к словам. С одной стороны, это хорошо, ибо краткость – двоюродная сестра таланта. Каков может быть примерный ход мысли, т.е. план? Почему я вспоминаю сейчас, и почему тогда? Как мне не хочется и как я постепенно втягиваюсь, т.е. прошлое возвращает нас. Что я вспом. сейчас и что тогда? и т.д. (Рисунок: три параллельные линии, которые в конце переплетаются.) Алгеброй гармонию. Убить только некого. А ведь мог он убить себя, это было бы если не гениально, то во всяк. случае талантливо с его стороны. Серьёзность – дальний родственник таланта.

7IV.

Антоша побелил печку.

[См. «Конечную Землю»:

«– А печку что ж не побелил?

– Специально. Печку Антоша побелит...»

И Антоша отметил в своём дневнике: «Единственное, чем довольна – побелила печку».]

10IV.

Первый самолёт в этом месяце. Грустное письмо от Аникеева. Машинку отдал. Не очень-то струнулось.

14 апр.

Бесстрашие... Что ему до их маленького бесстрашия? Он его не оценит и забудет о нём, как, скажем, медведь забывает маленькое бесстрашие муравьёв.

2-й день ветер. Как отдалённые крики ура. Вчера не учились. Сараев видел уток. Море открылось. Оказыв., оно так близко. Бег ветра по крыше. Дом дрожит. [Потом все эти впечатления собрались в очерке «Пурга в Уэлене». «И так несколько дней и ночей, а иногда с небольшими перерывами и по неделям, и по месяцу, мчится через посёлок обезумевший ветер». Напечатал в «Вокруг света», потом в книге «Где Север?»]

16.465.

Память – вещь материальная.

17.

Приснилось, что Антоша родил кого-то, не то мальч., не то девочку.

18.

Лёд отошёл от берега и море стало, как река. Сейчас 3 утра и уже светло. Слышно, как утки возятся в море.

19.

Вчера ещё было сияние. Над лагуной и к сопке.

27.

Соображал, как съедет Макарян, – за убийство или за соучастие.

3 мая.

1-го была пурга. Сегодня тоже пурга. 1-го была тоска. Сегодня тоже тоска.

8 м.

Ночи совсем светлые. Солнце садится за Инчоунским мысом, и в час ночи на севере ещё закат. А может, уже восход. Праздники кончились. У директора и засл. учит. республики Номгиргиной по подбитому глазу.

9 мая.

День Победы... Повалился Тышов – очень нудный, когда пьяный. Но он неприятельный рассказчик, и совсем не обращаешь на тебя внимания, – пока он говорил, я прочёл целый роман Золя, писателя, которого никогда не любил.

По его словам – в Уэлене очень напряжённая внутренняя жизнь: интриги, заговоры, покушения и проч.

Анти-«я».

[Тышов – тогдашний директор костерезки. Присланный на Чукотку вместе с несколькими мастерами из Холмогор, где тоже резали по кости – для «взаимной связи и взаимного влияния». Магаданский искусствовед Л.Тимашева писала о Тышове: «Неверным было стремление А.Тышова внести чуждые искусству Чукотки приёмы обработки кости – такие, как, например, ажурная резьба...» и т.п. Но я в этом тогда ещё ничего не понимал. После, когда начал разбираться, тоже написал о холмогорцах много нелестного. «А ещё приезжие резчики научили уэленцев ремесленничеству!» И т.д. См. «Снега былых времён», М., «Советский писатель», 1987. А в романе у меня про Тышова в основном о том, что ему по праздникам всякий раз выбивали зубы. Но он не очень переживал. У него всегда имелось несколько комплектов запасных, изготовленных им же самим, из моржового клыка.]

11 м.

Уток уже бьют.

15 м.

На первых порах ещё были какие-то остаточные явления духовной жизни.

Чтобы желать говорить правду, нужна достаточная доля самообмана.

Мы абсолютно искренни только в парадоксах.

Впоследствии она свелась к ленивому выговариванию одного ленивого афоризма в месяц.

Есть ли надежда для дерева, нет ли надежды для дерева – науке это не интересно.

Если вы любите богемный образ жизни, т.е. пить, не закусывая...

18 мая.

Пурга была, но слабая, с юга. Море открылось далеко от берега и закрылось.

На профсоюзн. собр. Пантелеева критиков мужа, сказав, что на собр. он ей не муж, а член профсоюза. «Общественная работа, – гов. он, – дураков любит. Ты везде съёшься, тебя за дурачку и сочтут».

19 м.

Восточный ветер. На лагуне у берега лужи. Государство Уэлен.

20 м.

Пока мы сидели в кино, ветер переменялся. Теперь он дул с севера.

«Давайте-ка отправимся в Лайтокиток, где вакамба смогут утолить жажду, а масаи глотнуть немного молока с кровью».

[Фраза внезапно всплыла в памяти, из хемингуэевских «Зелёных холмов Африки». Я неплохо знал тогда Хемингуэя, многое почти наизусть. Его проза легко запоминалась.]

21.

Чёрная полоса неба по всему горизонту, где открылось море. Журавли.

22 м.

Потащили вельбот на кромку. Другой увезли к Дежнёву. 60 собак.

25 м.

– Все мы так, – думал он грустно, – собрали свою жизнь по фразам... Вы, которые собрали свою жизнь по фразам!

Самые твёрдые понятия о жизни человек имеет в 19–20 лет. Чем дальше, тем неувереннее, – сказ. я Алику по поводу того, что его жене 20 лет.

Снегу ещё навалом.

27

Зима постепенно переходит в осень. Восстанавл. в памяти жизнь, как проигр. партию в шахматы, ища тот непр(авильный) ход, с кот. началось поражение.

«Человек с запутанным прошлым».

Он сказал: Многие думают, что, если они и

не могут предвидеть своего будущего, то уж о прошлом-то они знают всё. А вот... и т.д.

29 мая.

Учебному году – пиздец!
В Пинакуль! Физруком!?
В море стреляют.

[По Леонтьеву, Пинакуль – Точильная заводь. Уже тогда заброшенный небольшой посёлок, напротив Лаврентия, на другом берегу бухты. Там и решили в тот год устроить пионерский лагерь. Учителей на лето тоже расписывали кого куда. Антошу послали в Магадан на курсы усовершенствования. А меня физруком в лагерь. С этой должностью я, никакой не физкультурник, в общем-то, справился. См. рассказы «Шестнадцать на шесть», «За мальчиком», «Наденем чёрные шляпы.»]

1 июня.

Вчера целый день дождь. Лагуна намокла вся. Солнце село четверть двенадцатого на северо-северо-западе. Экзамен по алгебре.

3 июня.

Антоша вывел, что Уэлен произошёл от whale. «Здесь же много китов», – сказ. Антоша.

[См. в связи с этим Г.Мелвилла, книгу которого «Моби Дик», с иллюстрациями Р.Кента, мы читали там же, в Уэлене: «Если ты берёшься наставлять других и обучать их тому, что в нашем языке рыба-кит именуется словом whale,

Уэленский берег

опуская при этом, по собственной необразованности, букву h, которая одна выражает почти все значение этого слова, ты насаждаешь не знания, но заблуждения».]

(Рис.: Два человек, держась за руки, стоят на берегу моря, в море солнце наполовину зашло. Подпись: закат.)

Пафоса нет. Не сто?т. Нечего сублимировать. Совершенные белые ночи.

Пропал вкус к романтике св-го теперешнего положения и мысли о возвращении в Москву сводятся к тому, как пойдёшь в ресторан и напьёшься.

5 июня.

Экзистансу нет.

13 июня.

Час ночи. Солнце стоит на севере у горизонта, над морем. Вода шумит под сопкой. Собаки подвывают.

Почту сбросили сегодня. Писем нет.

Ясные солнечные ночи. Стояли ясные солнечные ночи. Читал Фолкнера и «Моби Дика».

Горы сегодня открылись, впервые за месяц. Хожу на заставу, Махнев (замполит) там написал повесть, на 600 стр. Чинил крышу в интернате. Пришёл 4-й номер «Нов. мира». Эрэнб. закончил свои показания по делу гражданина Сталина, нет, гражданина Джугашвили (он же Сталин).

19 июня.

Пантелеева давала телегр. Брежневу... Козырёв улетает 2-й день. Вчера сидели на косе, ждали. Костёр. Буква Т на посадочн. площадке выложена из китовых позвонков.

[Каждый год на Севере так: отпускники собираются в долгожданный отпуск, а самолётов нет. Отпускники звереют и начинают давать телеграммы. «На самый верх». Пантелеева жаловалась напрямик Брежневу. Потом, в романе: «Ведь когда бы не она, мы бы что? Прозябали! И добрую половину истории нашего посёлка, выписанную крупными и яркими буквами и со множеством вопросительных и восклицательных знаков, пришлось бы изъять и заменить на что-то такое, что может быть напечатано лишь монотонным сереньким шрифтом. Я это совершенно серьёзно говорю...»]

23.7.65.

Для дерева есть надежда.

Днём к нам заехал начальник участка и велел, чтобы мы убрали бутылки. Флаконы из-под одеколona он даже не заметил, а если и заметил, то, наверное, не понял, почему их так много. Замначальника экспедиции Шорохов приехал вечером. Он долго толкался в дверь, которая была забита ещё с осени, пока не догадался обойти вокруг дома. Как утверждал потом Макарян, Шорохов приехал попозднее, чтобы застать нас в разгар пьянки.

– А может, он думал, что в этот час мы обычно разделяем собаку? – сказал кто-то.

– Может. Представляете, как он был разочарован?

Когда он вошёл, мы лежали каждый на своей койке и читали.

– Собаку-то всю съели? – спросил он.

– Знали б – оставили, – сказал Макарян.

[Наброски к рассказу.]

4.8.65

Каждый вечер этот дом пил из чаши заката. В таком доме нельзя было жить, на него надо только смотреть. («Одиночество в красном свитере»)

Когда понял, что из всех вариантов ему осталась только честность и жалость – не к себе, к людям – и доброта, и спасительная заурядность, и спасительная ограниченность. («Просто вечер»).

М.б. 5-е.

Этот дом стоял так. А солнце садилось сюда. И каждый вечер этот дом погружался в чашу заката. (Рисунок распадка, дома и солнца на закате.)

В 57-м году в Братске мне и в голову не приходило вести дневник или просто стараться запомнить, как мы жили тогда на поляне, и что говорил Игорь Макарян, а главное, что я сам думал в то время. Я не могу сейчас объяснить себе многих вещей из той жизни, но удивительно, что было время, когда я их объяснял. Я не понимаю, например, почему я стал всё прощать Иг.Макаряну, стал прощать с самого начала, с первого знакомства с ним.

9.8.65

А в Уэлен уже пришли льды.

«Осень в июле».

Лето в тот год так и не наступило. Льды ушли из бухты только в начале июля, весь месяц шли дожди, на сопках и по берегу много было нестаявшего снега. (Зачёркнуто: Надеялись на август, но и август оказался плохой. Весна сразу перешла в осень. Лета не было, просто зима постепенно переходила в осень.)

Дожди здесь были однообразные и нудные – из них нельзя было извлечь ни радости, как это иногда бывает в городе, вечером, когда огни дрожат на мокром асфальте, ни даже плохого настроения – вода, мерно льющаяся с неба. Лета не было, просто зима постепенно переходила в осень.

(Зачёркнуто: Весь июль я работал в пионерском лагере, в маленьком посёлке на той стороне бухты. Когда не было тумана, его можно было видеть с этого берега – десятка три строений, считая уборные.)

Меня вызвали сюда, в районный центр, чтоб направить на работу в пионерский лагерь, в маленький посёлок – в редкие хорошие дни он виднелся на той стороне бухты. А пока бухта была во льдах, я жил в гостинице с геологами, они тоже ждали хорош. погоды, чтобы улететь в тундру.

10.8.

Книга – это шахматная партия, в кот. надо верно и логично разыграть дебют.

7 сентября.

Лёд до горизонта, и снег выпал сегодня ночью. Вчера я и Антоша пили с археологами спирт и пели старинные русские песни.

[После вспоминал: «И вся эта экзотика очень влекла в наш Уэлен разного рода творческих и учёных личностей... И то и дело общались

мы с журналистами, писателями, фотографами, художниками, археологами, геологами, искусствоведами, киношниками.» («Коктейль у президента», ж-л «Дружба народов», № 12, 1998.) В тот год у подножья нашей сопки ковырялись археологи, место, которое они себе облюбовали, называлось «раскоп». Начальником у них был Дориан Сергеев, второй случай, когда встретилось это имя, после романа О.Уайльда. Прочие члены экспедиции так его и звали: Дориан Греевич. Теперь могу прочесть о нём в «Северной энциклопедии»: «1928–1984... Директор Гос. музея этнографии народов СССР. Открыл Уэленский, Эквенский и Чинийский могильники. Руководил Чукотским отр. Сев. эксп. по археолог.-этнограф. исследованию чукот.-эскимос. уклада жизни 1,5–2-тысячелетней давности.» И т.п. В том отряде было человек шесть-семь, отличные ребята, и вся эта их наука и древность не мешали нам собираться по вечерам за столом... и проч. Ещё среди участников той экспедиции запомнился С.А. Арутюнов, как выяснилось впоследствии, «этнолог» и «социальный антрополог». Но в то время ему было лет тридцать с небольшим, он не стал ещё доктором наук, профессором, член-корром и т.п., и до открытия и описания знаменитого памятника древнеэскимосской культуры «Китовая аллея» оставалось поболее 10 лет.]

8 сент.

Водил детишек на раскоп.

[После, в «Конечной Земле»: «Перед отъездом (археологи) пришли к нам в школу, рассказали... что землянке той – несколько тысяч лет, и особенно просили не трогать «нитки», которыми у них на раскопе помечены какие-то «квадраты». «Нитки», понимаете ли! Да первая же пурга эти «нитки» разметет – вместе с «квадратами!»]

11 сент.

Все люди одинаковы, просто иногда они мен(яются) ролями.

Лагуна мутная, коричневая.

23 сент.

Снег выпал, кажется, окончательно. Не было осенних штормов в тот год.

25/IX.

1. Ружьё. 2. Патроны. 3. Бельё тёпл. 4. Носки. 5. Свитер–2-й. 6. Продукты: тушёнка, хлеб, сахар, печенье – 2 пачки, рыба, компот. 7. Компас. 8. Письма. 9. Нож. 10. Перчатки. 11. Фотоаппарат. 12. Фонарь.

25–26 сент.

Уэлен – Наукан – Дежнёв – Уэлен. Видел о.Ратманова и Аляску. 80 км.

На п/с в Наукане 5 человек: Иванов-нач. и его жена, она же повар Альбина, Дед Васильич, Пётр (Сачков) и Геннадий Акимов.

Надпись на кресте на 3 языках: русском, немецк., английском.

[Сбылась мечта: сходил в Наукан. Да ещё по-тащил с собой своих шестиклассников. Никакой дороги туда не было, километров тридцать по горам и распадкам. На обратном пути

Наукан. Вдали маяк-памятник С.Дежневу

застала нас метель. В общем, не без приключений. Но ребята мои – не даром «дети тундры» – оказались молодцы.]

27-е сент.

На лагуне появил. сало у берегов. Снегу выпало порядочно. С головой ушёл в работу – так это называется.

Whale ohuel.

Вспоминаю я иногда, как выбирался с Мамки, и тундра была, как река, я пил из каждого ручья и такой вкусной воды я ещё не пил, и полз до следующ. копца.

[Мамка – так называли речку в конце бухты Лаврентия. Впоследствии об этом рассказ, из серии «чукотских», который мне самому до сих пор нравится – «Наденем чёрные шляпы».]

1 дек. – море закрылось после шторма.

2 дек. – перв. самолёт.

5 дек. – свет в два часа.

[Электричество в посёлке было от местной электростанции. Имелись у колхоза два небольших дизеля. Ивакин их очень берёт, и свет давали по часам. До сплошной полярной ночи мы не дотягивали, но наступало что-то вроде полярных сумерек. В декабре светало

примерно к 11 утра, а к 14 часам уже темнело. Многократно чиненные провода часто рвались, тогда зажигали керосиновые лампы. Были они и в школе, в каждом классе по две. Одна лампа стояла на учительском столе, другая висела над классной доской.]

8 дек.

Смешной рассказ Сараева, как били Козырева.

Почта, от Иванова письмо и фотографии.

18 дек.

3 самолета. Козырёв прилетел и Пантелеева. В Долине смерти в эту зиму погибло уже 2 человека: Подгорный и Утоюк. От Аникеева письмо. Утром свет гасят в 11 и зажигают в 2. Через посёлок прошла в море медведица и 2 медвеж. Мимо Сараева.

Когда Одиссей возвращался домой, его застала пурга...

[Фраза одного моего пятиклассника, кажется, Агранаута. Потом рассказ – «Когда Одиссей возвращался домой...» Там немножко и про наш поход в Наукан.]

22 дек.

Почему Герасим утопил Муму?

Рентыргин: «Собачка был глуп и не вырос».

[«Нитоургин и Муму». Все эти, т.н. мои «учительские» рассказы, потом, в Москве, не надо было выдумывать, они уже существовали как бы сами по себе, в готовом виде, их следовало лишь вытащить из памяти и записать.]

1966

18 янв.

В этот год было много событий: замёрз Подгорный в ноябрьск. праздники, на выборы Утоюк замёрз, перед Нов. годом была пурга, у нас сорвало крышу и свалило трубу, после Нов. года в посёлке сгорел дом.

[Подгорный был пограничник с нашей заставы. Провалился возле Наукана в узкий крутой распадок, склоны которого обледенели, и не смог выбраться. Утоюк – председатель уэленского сельсовета. В день выборов понёс в Наукан урну для голосования. Перед Науканом есть так называемая Долина смерти, название, конечно, не чукотское, это кто-то из русских придумал. Зимой там очень часто пуржит, даже когда в округе тихо. Утоюк, видимо, заблудился в белой мгле, повернул не в тот распадок и пошёл в противоположную от Наукана сторону. Охотники нашли его в тундре через два дня. Он прошёл километров сто. Помню, даже я, недавний житель на Чукотке, недоумевал: что понесло Утоюка в Наукан в такую погоду, неужто долг перед пятью науканскими избирателями? Но он сам был из Наукана, родился там и вырос – может быть, ему просто хотелось воспользоваться случаем и взглянуть ещё раз на свой бывший посёлок? О том, как науканцев выселили в 1957 году с

родных мест и распахали по окрестным посёлкам, я потом написал в очерке «Ностальгия по ностальгии» («Дружба народов», № 11, 1997 г). Но в нашем российском т.н. «обществе» история наукацев никакого потрясения не вызвала.]

1/II

В какую сторону сделала наука свой гигантский шаг?

Мой жизненный поиск завершился спокойствием. Я подвесил свою жизнь на ниточке в насыщенный раствор воспоминания, чтобы она приобрела чёткие формы кристалла. Прости за это подробное сравнение.

14/III

Алик Мифтахутдинов с Анад. радио берёт моё «Озеро Дж.Лондона». [Попытка Алика радиофицировать мою повесть не удалась. Почему, из-за чего, кто был против? Подробности такого рода я никогда не интересовался.]

26/III

Весь март была хорошая погода. Какую-то хохму забыл записать на днях. Был наш с Антошей день рождения.

[Когда Антоша, случилось, говорил, что она хоть и на пару дней, но старше, я отвечал: «Не известно. Может, я просто не торопился вылезать».]

Махнев был у наших в Москве и привёз машинку. Теперь Махнев уехал на новую заставу, возле Провидения.

Три года назад я твёрдо знал, что будет в 40 лет, сейчас я не знаю, чем кончится год. Увы мне! Дни мои идут, как вода. Встал рано, чтобы не видеть утреннего сна.

30 м-та

Начиная с 7 марта по конец – пили. 8 марта, потом корреспонденты, и Махнев приехал, потом ребята с Наукана пришли, потом мой и Антошин дни рождения, и каникулы, и Куймеля ещё день рождения был, и Танькин, и Ленин, и Ивакин приехал. Погода последнюю неделю испортилась. Иванов совсем пропал. Алик прислал телегр. из Ванкарема. «Всё отлично, старики!»

Не забыть, Ивакин рассказывал: один председатель давал интервью. «Чем заним. ваш колхоз?» – «Доим китов. И т.д. Жирность 18%. Масло, обрат.» Ещё Ивакин рассказ. про систему.

[Впоследствии рассказ этот, о дойке китов, приписал в романе своему Алфееву. «Но как же вы осуществляете это технически?! То есть дойку? – воскликнул журналист. – Построили специальный пирс. Отлавливаем кита, буксируем к берегу. Закрепляем на цепях... Изготавливаем своими силами мощный доильный агрегат...»

Пора бы здесь об Ивакине Валентине Алфеевиче. К этому времени мы отличили друг

друга и подружились. Я уже знал о нём, что после ВПШ он работал в Анадыре, в окружке партии. Дальше, казалось бы, как обычно, «по проторённой», в секретари окружкома, в обком и т.д. А он вдруг захотел в председатели колхоза. У меня в романе он – Алфеев. Не утруждая себя, ничего не выдумывая, я просто описывал Ивакина. Как себе его представлял. Вот, например, портрет: «В первую минуту, где-нибудь в толпе, мимоходом, вы не обратите на него никакого внимания. Потом, если доведётся случайно разговориться, не сможете не признать: «Определённо, что-то в этом человеке есть!» А если случаи и дальше будут вас сводить, то очень скоро эти общения превратятся для вас в потребность, станете всё внимательнее вглядываться в вашего собеседника, замечать, скажем, как необычайно мощно ширится лоб, как заинтересованно и живо, без намёка на этакую интеллигентскую утомлённость и скуку, глядят с т р а ш н о умные глаза – и вообще, «какое, оказывается, прекрасное, одухотворённое лицо!» – и обязательно в конце концов подпадёте, будете очарованы этим человеком»...

А «про систему»... Имелось у В.А. твёрдое убеждение, и он его не скрывал: как всякая рыба гниёт с головы, так и всякое разложение системы начинается сверху, с начальства. Примеров из жизни известных ему областных и окружных руководителей было у него предостаточно.]

11/IV

Журналистам нужны детали. Деталь – это та кость, по которой можно восстановить скелет. Немного воображения – и скелет обрастает мясом.

28 апр.

Из округа были 2 троянских коня – со всеми последствиями. Недавно пили у Ив. и, несмотря на поздний час, долго не расходились и все пели: «Уйду, уйду без звука...». Ив. твердил «Облака». Мифтах. со Шмидта занесло в Магадан, просит ждать «дальнейш. известий». Просит готовить 3 рассказа.

2 мая.

Фрейд – противник, однажды одержавший победу, но он ушёл и забылся, и не хочется брать реванш.

На лагуне лужи, чего не было в прошлом году в это время. В прошлом году была пурга. Ивак(ины) боятся, что не улетят.

Это не возраст открытий, а возраст утверждения.

Снова занялся со штангой.

3 мая.

Ив. и кони улетели. Самолёт сел напротив полярки. Была почта, но нам ничего. Антоша грустит – никто не пишет. Коммуникации ослабли. Рану прислал стереофото – он с

женой на фоне собора Вас. Блаж. Весенний вакуум.

13 мая.

– Ты не умираешь. Вот Карев умирает: и руки трясутся, и хрипит, и плачет, а ты ещё не умираешь, – сказ. я Козыреву.

– Это не говори, – сказ. он. – Это каждый умирает по-своему.

Фефелов тоже сбавил с 7 капель до 5.

Ожак немного разыграв. сегодня. Мифт. – ещё одна телеграмма. «Повесть планир. на воскрес».

С 30-го апр. снова заним. со штангой. Впрочем, писал.

Козырев с 1-го пьёт, ходит по домам, ищет выпить, просит.

Утки уже летят через косу за поляркой. Сараев убил двух, и Гордеев из царского ружья 1.

Сег. самолёт был. Писем нет.

15 мая.

Сараев уех. в отпуск на тракторе. Я понимаю, почему я так равнодушен к повести – всё это имело бы смысл, если бы я писал ещё. Иногда я чувств, что от этого состояния отделяет меня чуть-чуть, но как преодолеть, я не знаю... Рассадил руку, когда чистил ружьё. Придуманные мною фразы для «Дерева» иногда взбадривают меня. Спокойствия, кот. я жаждал, я достиг, теперь, разумеется, мне хочется обратного. Всё игра!

19 мая.

Спокойно ждать, когда да не минует тебя чаша сия.

22 мая, воскрес.

Сег. метель с севера. Были Акимов с женой и Петя. Ушли в Наукан. Приехала комиссия, комплексная. Леонтьев с ними.

Как психология влияет на грамотность. «Все за одного, один за всех». Пантелеев поставил тире. «Как же, – сказ. он. – Союз «если». Если все за одного, то один за всех». «Для тебя, может, и «если», – сказ. я, – а для остальных «и». И все за одного, и один за всех». Он, конечно, не понял.

[Не удержался, чтобы не вставить в роман. «Но ты имел полное право поставить ему «пять», – сказал я. – В том смысле, как он толкует эту поговорку, он написал правильно.» – «Нельзя отделять учебный процесс от воспитательного», – усмехнувшись, ответил мой друг...]

Комиссию интерес. всё, что явл. причинами отстал(ости) Чук. р-на и многочислен(ных) ЧП.

26 мая.

– Скоро день пограничника, – сказ. Гоном. – Всем будут давать: и погран., и партизанам.

– А ты кто?

– Я – партизан.

В библиотеке Пант. и Ежова ругают Бурлакова за то, что его портрет пом(ещён) в газете. «Комм. Бурлаков часто сидит в библ. над трудами Ленина».

– Это надо, а? Коммунист, а? – Пантелеева.

– Да он Ленина не знает по отчеству! – Ежова.

Полезла в картотеку и проверила карточку. И тут я увидел среди книг Дос-Пассоса. «42». Накануне Ант. помянул Дос-Пассоса. Я шёл и думал: телепатия. Я пришёл и сказал: вот Дос-Пассос. – «Телепатия», – сказ. Антоша.

Опять снег.

28 мая.

Были посл. уроки и кл. час. Пантелеев и П-ва недовольны. Я произнёс речь краткую и вразумит. «В таких случаях говорят: вы хорошо поработали, теперь отдохните. – Я скажу: «Вы хорошо отдохнули, теперь поработайте».

День пограничника. Послал Мифу кости.

[Мифта наказывал разных костяных безделушек. Потом вставлял их в свои рассказы. Кости игральные, где вместо «шестёрки» голова моржа, «орден костяной пластинки» и проч. Получилось так, что мне легко было следить за «творческим методом» Алика. Он отображал т.н. «реальность», но каким-то условнённым образом. Сначала сам придумывал ситуацию. Часто – совершенно нежизненную. Потом старался воплотить её в действительности. А уж после законно изображал в слове. К примеру, про «игральные кости». Из его рассказа: «...Два кубика из моржового клыка. Их сделал мне Утоюк по типу игральных костей. Только вместо шестёрок на каждом кубике – голова моржа. Гравировал тоже Утоюк. Этот подарок всегда со мной уже три года». (Рассказ «Два моржа».) Я мог бы разоблачить Алика. Кубики сделал не эскимос Утоюк, а по моей просьбе Леша Бугаев, русский мужичок, один из приехавших в Уэлен «холмогорцев». Потом я переслал их Алику. То же и с костяной пластинкой, которая у Мифты превратилась в «орден». (См. альманах «На севере дальнем», № 2, 1970)... Да, мне легко было бы опровергнуть Алика, да и во многих других его рассказах, но почему-то я этого не делал. В его сочинениях отчётливо просматривалось желание приукрасить, романтизировать увиденную жизнь, но исходил он из только добрых побуждений. Он так видел... Помню, на его поминках в 91-м году в Москве собралось много наших друзей, каждый что-то вспоминал своё из общения с Аликом, но и каждый обязательно говорил о его доброте.]

Прав Антоша: здесь отмечаешь такие праздники, о кот. в Москве и не слыхивал.

Грустный кит. Неудовлетворённость от этого учебного года. Ещё год я положил себе, а как получ. – не знаю. В след. году возм. 8-го кл. не будет.

2 июня.

В голову приходят разные фразы, но записывать их неохота.

Когда ты только предчувствовал всё, что тебя ожидает.

Начал ремонт.

15 июня.

Сделали с Антошей ремонт, и он не налюб. на квартиру. Ходил вчера в тундру. Взял в к/зе винчестер. Накупался – речки переполнились. Гуси кричали за речкой, где-то на озёрах.

[Винчестер – шестизарядная винтовка, осталась, видимо, от американцев. Теперь, накануне каждого праздника, когда в магазине собирались «давать», ко мне, как и к другим охотникам, приходил посыльный из колхоза и на несколько дней изымал оружие. Так стали делать после того, как предшественника Ивакина, председателя колхоза Караваева застрелил какой-то перебравший зверобой. Вышел из дома с карабином и начал палить во что попало. А Караваев, бывший фронтовик, пошёл бесстрашно его разоружать... Ивакин впоследствии написал книгу о своей работе на Чукотке и о своих товарищах, есть там и о Караваеве: «Мне в своё время пришлось сменить Караваева на посту председателя «Героя труда», поэтому могу твёрдо сказать, что Леонид Александрович не только заложил материальную базу хозяйства. За восемь лет своей работы он сформировал хороший коллектив, где не было места нажиму, грубости, где все вопросы решались коллективно и без нервозности». А о том, почему «пришлось сменить», Ивакин не написал, хотя именно он и рассказывал мне историю гибели Караваева. Но, видимо, не укладывалось в «жанр».]

Неск. телегр. от Миф. и от Иванова телегр. – странная. Неск. дней жду самолёта – лететь в Маг. Лагуна ажно пожелтела. По краям вода – в сер(едине) вздулась. Море помаленьку открывается – южак помал. дует. Вчера ничего не убил. Надо ходить с ружьём и биноклем. Петрович пьёт и идёт отсыпаться к Семёнычу. Вытрезвитель.

Мы не имеем права на тот спокойный цинизм, кот-рым ограждает себя мыслящая личность у Х-я, Ремарка и проч.

18 июня.

Ходили с Горд. на охоту, по косе – на пролив. Посёлок сухой, на сопке ещё порядочно снегу. Собачкам жарко. Собачке сделал конуру, она уже залезает в неё.

[Собак в Уэлене было немисливо, раз в десять побольше, чем людей. У одних хозяев они были привязаны, у других – просто бродили, сами по себе. Антоша с детства вообще боялся собак, поначалу боялся и уэленских, но постепенно мне удалось убедить её, что чукотские собаки – и в интеллектуальном и в нравственном отношении выше прочих, материковских. Одна из них прижилась возле нашего

дома, мы её кормили. Конура, которую я для неё сделал, была и осталась единственной, наверное, за всю историю Уэлена да и всей Чукотки собачьей конурой. Антоша записал в своём дневнике: «Я перестала бояться собак. Кому-нибудь это покажется смешным, но для меня очень важно».]

У Антоши уже какие-то боли в животе.

20 июня.

Вчера Антоша родил младенца. Тут же повалили друзья, для них это повод выпить. От Мифа письмо. Его выперли с радио.

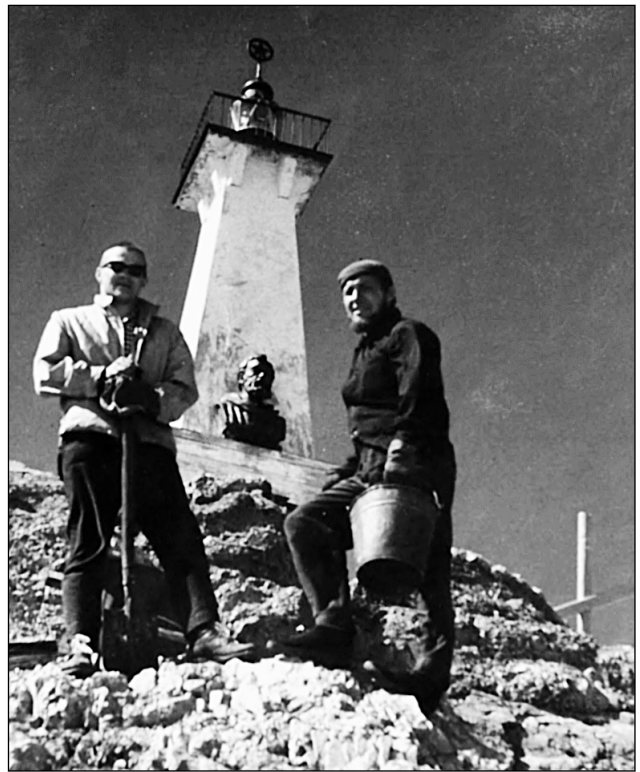
(Рисунок: кит в виде спелёнутого младенца, но по-прежнему с дымящейся трубкой.)

21–23 июня.

Был в Наукане. Шёл по верху. Впереди был пролив, слева Чукотское море, справа – Берингово. Птичий базар и чуть не унесло.

[В проливе напротив Наукана возле берега ещё держался припай. По льду можно было дойти до птичьего базара. Но в один миг эту кромку может оторвать... Есть вещи, которые сразу как-то не воспринимаешь, ни разумом, ни чувством. Спокойно, например, смотришь на эту картину, где перед тобой одновременно два океана и пролив между двумя материками. То же и с начавшимся твоим отцовством, осознание которого не сразу до тебя доходит. Потом в романе: «Я ужаснулся, что был беспечен, что вёл себя так, как будто по-прежнему был один...»]

Ходили в старый Наукан и копались. Нашёл зуб медведя и костяную проколку. Кладбище.

В Наукане. Радист Г.Акимов, я, промез нас С.Дежнёв

Гамлет: Бедный Йорик..

Горацио: Все мы Йорики, все бедные.

Ночью ходил в больницу – Галка спала. Сегодня (24) с утра южак. Сильный.

«Грустн. кит» – это о том, как надо писать, как пишет и отбрасывает, через очерки и телеграммы. Надежда говорит в нас без предлогов – быстрым языком телеграмм.

Любимое слово Алика – босякизм.

Грусть не имеет сюжета, как тоска, ненависть или любовь. Грусть – хорошее неопределённое творч. состояние.

У Акимова борода а!? Дежнёв. Фотографировались втроем: он, я и Семён.

[Имеется в виду фотография, где мы с Акимовым, между нами маяк с бустом Семёна Дежнёва. Через много лет эта фотография удостоилась попасть в «Зарю космической эры...»]

26 июня.

Вчера и сегодня был дождь, и пили с Алешниковым и Лёшей Егоровым.

Шёл с полярки и зашёл к Ант., и он показал на брови, но я сказал: «нормально». Собачка нашлась, и у неё щеночек мёртвый, она с ним лежит целый день.

27 июня.

Антоша ещё в больнице.

Можно жить «по линиям», а можно «не по линиям». Линии – это то, что тебе назначено и от чего ты отказался. А может, «всё врут календари».

Сидеть на зимовке. Вот Алешн. первый раз сидит.

Слепой кидает камни в железную бочку и наслаждается, когда звенит.

[Целых двадцать лет спустя эта картинка неожиданно делается заключительной в «Конечной Земле»... «Подле себя он нашаривает камушки и бросает в ту сторону, где, он знает, стоит железная бочка. И когда попадает, я вижу, как лицо его озаряется улыбкой... Память его полна преданий, мифов, песен и сказок, к

Развалины древнего Наукана

нему часто приезжают из Магадана и записывают его на магнитофон. А он, назначенный хранить минувшее, радуется, когда настоящее хоть как-то отзовется ему, пусть бедным звуком железной бочки.»]

Сиди в отпуске, – сказ. сег. Игорь, – и пиши что-нибудь.

И я писал сегодня немного «Дерево», а вчера «Гр. кита». Но «Кита» я представляю очень смутно, а «Дерево» вижу чётко – но только по отдельным моментам, кот. надо слепить. А в процессе, может, ещё что найдёшь.

28 июня.

Сегодня полдня спал, полдня и ночи сидел над машинкой. Кое-какая связь наладилась, и кое-что я сегодня придумал. Мизер.

Южак целый день – занудный.

...о Сталине, конечно.

– Как хотите, а я плакал, когда Сталин умер, – сказал Лёня.

Я тоже плакал, но сказал, что нет.

– Ты плакал, он не плакал, – сказал Макарян, – а у нас смеялись. Хохотали от души. Радовались, как дети. Знаешь, есть: мы будем петь и смеяться, как дети. Вечером приходит ко мне один, из соседнего барака: «Игорь, усатый помер!»

– Да ну?!

– Чтоб мне... Надо Мишу обрадовать.

– Стоп, – говорю. – Нельзя сразу. У Миши большое сердце.

А назватра они построились там, кум плачет, все плачут, а мы уссываемся на них из-за угла.

– Да, – сказал Лёня, – лагерь... Хотел бы я побывать... Так, конечно, чтобы знать...

– Побываешь, какие твои годы, – успокоил его Макарян.

[Из набросков к «Дереву». Лёня Головин – один из персонажей рассказа. Реальный, нереальных у меня вообще не было. Имелся в виду Лёня Бородин, с которым мы тогда, восемнадцатилетние, вдруг совпали в 57-м году в одной общаге, в Братске. Лёню исключили из Иркутского университета, а я сам ушёл из Московского института стали. Оба оказались в Братской экспедиции, рабочими на буровых. Потом Лёня вдруг уехал к какому-то своему приятелю в Норильск, а я от той же экспедиции – на Устье Илима... Снова довелось встретиться лишь где-то в середине 90-х, в Москве – оба числились уже «писателями», что, считаю, закономерно: что ещё, более путного, могло из нас получиться?.. Лёня уже отсидел свои сроки, как «убеждённый антисоветчик». (Вообще-то, идея сесть была моя, после общения с зеками, идея «сесть, чтоб самому посмотреть», но в рассказе я отдал её почему-то «Головину», и когда на Чукотке писал своё «Дерево», оказалось, что угадал: как раз в то время Головин-Бородин уже сидел...) Потом, в Москве, я случайно услышал по «Свободе» отрывки из произведений какого-то Лео-

нида Бородина и подумал: да ведь это наверняка Лёня! Пафос, стиль – все было похоже. Через какого-то знакомого редактора разузнал о нём, связался по телефону, мы встретились. Не скажу, что восторженно – за каждым уже стоял какой-то свой, устоявшийся, трезвый опыт. Он уже работал в журнале «Москва», через какое-то время стал главным редактором. Позвонил мне, ему нужны были «свои» авторы. Я напечатал у него пару рассказов. У меня возник замысел: сесть нам вдвоём и поговорить. Прошло ведь сорок лет, он сидел, я не сидел, но жил в таких местах, куда даже зёков не засылали... целый строй за это время поменялся, этого ли он хотел, этого ли мы все хотели... в общем, нашлось бы, о чём нам потолковать. Пусть, предложил я, будет кто-то третий, кому он доверяет, запишет наш разговор, опубликуем, выйдет такое «сдвоенное воспоминание». Лёня согласился, но и только. Через какое-то время я снова позвонил, он опять согласился, но энтузиазма я опять не услышал. Понятно было, что он «паснул», ещё со времён Братска и наших тогдашних юных споров у него было выражение: «Тут я опять паснул»... В чём была причина, чего он боялся – я так и не понял. Может быть, неизбежно возникшей бы мысли, что отсиживал-то он, получается, зря?.. Ни за что?.. Потом я написал свою «Зарю космической эры, или Русскую Атлантиду», о Сибири 50–60-х, отдал Лёне, с мыслью, что ему, побывавшему в Братске, это будет понятно... в общем, долго рассказывать, но печатать он почему-то не стал, даже не приехал в редакцию, как мы договорились, рукопись мне возвращали редактора. Тоже бормотали что-то невнятное, за всем этим чувствовалась какая-то всегдашняя «редакционная тайна». Однако я всё-таки позвонил Бородину домой. «Где ты нашёл таких убогих редакторов?» Можно было ожидать, что он возразит: «Прекрасные редактора!» или что-нибудь в этом роде, но Лёня и за редакторов своих не заступился, сказал только: «Какие есть...» «Зарю...» опубликовали потом частями: в «Дружбе народов» и в «Нашем современнике». А с Бородиным после того общаться более не хотелось. Недавно узнал случайно, что он умер. Тоже недавно... Я мог бы побольше вспомнить о нём, особенно из того давнего времени, когда мы жили в одиночном доме, посреди тайги, на поляне возле Братска, там было много молодого, серьёзного, забавного, трогательного, но... так мы уйдём далеко от Чукотки, а речь у меня здесь всё-таки об Уэлене.]

3.VII.66

«Для дерева есть надежда»

Теперь-то я хорошо видел его отчаяние. Оно несло его дни, как река несёт шугу, большие ледяные глыбы, пока они не сплотятся и не застынут в белой неподвижности, и тогда отчаяние уходит внутрь и лижет его изнутри, пока

где-нибудь не образуется полынья, и тогда видно, какое оно там внутри тёмное, стремительное и страшное.

Наступает момент, когда наше прошлое отделяется от нас стеной непонимания. Мы помним наши поступки, но не можем их объяснить. Тогда мы становимся для себя людьми как бы посторонними и вспоминать о себе начинаем, как о посторонних. В 57-м году в Братске я ещё не знал этого, а потому мне и в голову не приходило вести дневник или просто стараться запомнить, как мы жили тогда на поляне, и что говорил И.Макарян, а главное, что я сам думал в то время.

Я помню, конечно, кой-какие свои тогдашние теории, но очень схематично, а впрочем и жил-то я тогда схематично. Например, я совершенно не умел понимать природу. (Ни тоски, ни печали не ощущал я в ту пору, в 18 лет, одну лишь уверенность и неуверенность, абстрактную свою силу и слабость.) И природы я тогда не понимал, не видел её саму по себе: деревья, траву, сопки, воду – я видел реку-символ, закат-символ. Какая-то мгновенная догадка была у меня однажды, что природа живёт сама по себе, и тело её мы можем изуродовать скважинами, дорогами, грязью, но не душу. Пришло мне тогда сравнение с прекрасной женщиной, которая не любит того, кому принадлежит, и вот она равнодушно сбрасывает перед ним свой осенний убор, – такое сравнение пришло мне, может, потому, что я ещё не знал тогда женщин, и вообще всё плохо знал, разве что книги. Это было ночью, мы бурили тогда на скале, я отошёл в темноту, и она растворила всё, остались только звуки: внизу кипел невидимый котлован, только отблески света оттуда и рёв МАЗов, рядом наш андижан, и было слышно, как сочилась где-то вода, очень тихо пробиралась по камням и листьям, вот тогда-то и пришло мне это прекрасное сравнение...

На полях: «Пролетариату нечего терять, – сказ. Макарян, – кроме своих гвоздей.»

Курить нечего. Нашёл до половины невыбитую трубку и был рад.

Я думал, что воспитывать мне будет легко, потому что я буду сдержанно относиться к детям, а сейчас я с трудом удерживаю себя от желания взять её на руки.

Он лежал в нашей комнате на моей постели. «– Ты послушай, тебе пригодится». Пригодится. Как это «пригодится»? Он сидел, а мне «пригодится». Почему пригодится?

Приблатнённый фраер скажет: пика, приправа – настоящий, культурный вор скажет «мессер».

7.7.66

Как один абзац, а?

Правда, я помню кое-какие свои тогдашние теории. Например, почему я ушёл из института. Именно тогда я обратил внимание на одну фразу у Толстого, и ещё долго потом она сопровождала меня. Это был отрывок из «Казаков». Оленин «раздумывал над тем, куда положить всю эту силу молодости, только раз в жизни бывающую к человеку... тот неповторяющийся порыв», – и дальше эта фраза: «Правда, бывают люди, лишённые этого порыва, которые, сразу входя в жизнь, надевают на себя первый попавшийся хомут и честно работают в нём до конца жизни». И я вдруг почувствовал, что вся дальнейшая моя жизнь безнадежно предопределена. Множество прочитанных книг сделали моё воображение шаблонным, и я знал, как это бывает. Я уже видел себя инженером, работающим где-нибудь на заводе, и в этом была вся моя жизнь. Тогда очень много говорили о месте в жизни, и я думал, что это такое. Отец водил меня к своему знакомому, знакомый кончил когда-то этот же институт. «Да, брат, – говорил он, – в своё время я тоже хотел бросить, но сейчас не жалею». И я думал, что место в жизни – просто привычка. Но мне казалось, что уж для своего порыва я найду единственное, предназначенное для меня дело. Я был убеждён, что никогда не сумею привыкнуть к случайному месту, но я боялся, что с возрастом потеряю способность отличить случайное от настоящего. «В конце концов, – думал я, – каждый из нас проделывает этот эксперимент: человек и жизнь. Некоторые постепенно, от испытания к испытанию, приходят наконец к результату: моё место в жизни. Другие до самой смерти ухитряются не узнать о себе почти ничего. Всё зависит от испытаний. Я думал об испытаниях, которые не оставили бы места сомнению. Таким испытанием казалась мне Сибирь. Я бросил институт и завербовался в «Ангарстрой». Нас привезли не в Братск, как я ожидал, а в Чуну...

9.7.66.

«Для дерева есть надежда»

...как мы жили тогда на поляне, и что говорил И.Макарян, а главное, что я сам думал в то время.

Лёня Бородин ещё раньше уехал в Норильск, Макаряна и Володю увольняли, дед ещё с осени собирался к своей старухе – словом, жизнь наша на поляне распалась.

11.7.

Всё это существовало для меня отдельно: «я» – отдельно, «жизнь» – отдельно, «место в жизни» – отдельно, и я должен был узнать всё это по очереди и потом соединить.

Спасительная лёгкость, умение расслабиться, которым меня никто никогда не учил.

Володя был добродушнейший малый, но не терпел несправедливости и не любил...

Несчастье его состояло в том, что он на третьей секунде разговора бил в морду, впрочем,

он бил всегда по справедливости, и несчастье состояло в том только, что бил он слишком сильно.

– Согласие нач. горнобуровых работ, – сказал Шорохов.

Я пошёл к Кожинovu.

Прямой, высокий и твёрдый, подпрыгивал при ходьбе, потому что ходил на протезе, с палкой, выбритый до синевы – с узким длинным подбородком, выбритым до синевы, появлялся иногда у нас на буровой, каждый вечер после работы колот дрова возле своего дома, когда мы жили ещё на правом берегу, «Из того магазина», – сказ. Игорек. Как? Ну сидел. Я ещё удивился, откуда он успел узнать, и вот теперь Кожинov взглянул и сказал: «Нет. Я вас не отпускаю... Всё», – сказ. он, и я послушно повернулся и пошёл

– Почему? – спросил он.

Я пробормотал что-то нечленораздельное.

Несколько мгновений он холодно смотрел на меня.

– Нет, – сказал он. – Я вас не отпускаю.

– Всё, – сказ. он, видя, что я ещё стою, и я послушно ушёл. Уже стемнело. Я пошёл к нам на левый берег через реку, через котлован, где не было почему-то обычного движения и шума, только светили прожекторы сквозь мглу, и по дороге ни одна машина не встретила меня, только пройдя половину пути, я понял, что день на стройке активирован, мороз, должно быть, сильный, потому что мгла была такая, что даже дорогу было плохо видно. Когда я вошёл в посёлок, только что кончился сеанс, люди толпились у освещённого кинотеатра, и в толпе я увидел Мишу, своего мастера.

– Вот, топаям с жинкой из кино. А ты откуда? Я сказал.

– Ого, брат. По такому морозу.

– Пойдёмте к нам, – сказ. Надя. – Чайку попьёте, согреетесь.

– Что чайку, – подмигнул Михаил.

– Да нет, – сказ. я, – спасибо, я в другой раз зайду. Обязательно.

Тут-то я и пошёл в больницу. В кабинете врача сидел молодой парень в белом халате.

– В чём дело? – спр. он.

– Аппендицит.

– Да что ты! (Медсестра засмеялась.) Ладно, ложись.

Он давил мне на живот, а я помнил, как М-н рассказывал, что в лагерях симулируют аппендицит, чтобы не идти на работу. Не везде больно, гов. М-н. В одном месте нажмёт – больно, а в другом – не больно. И я говорил: больно, не больно, не больно, больно.

15 июля.

Сначала сваливаешь все подробности и детали в кучу – без разбору, потом на эту гору водружаешь камень, на котором держится всё произведение, основной вопрос, идею, и тол-

каешь вниз – он сам будет увлекать за собой те мелочи, факты, которым необходимо соприкоснуться с ним, такая лавина, обвал мерещится мне – и так, пока не остановится бег. Как видите, нет ничего более лёгкого.

20 июля.

Месяц – 19-го уже месяц. Возимся с дитём. Днём пишу (писал) «Дерево». По моим подсчётам сделана 1/3 работы. «Единое дыхание» прервалось.

Она – довольно симпатичная и хорошо знает свои права, но не злоупотребляет ими.

Ездили в Инчоун и на Пролив – сутки. Всю ночь снились утки, сетки, лодки, бутылки.

Лёд унесло, только одинокая льдина у берега, похожая на гидроплан.

Давать большой, вставной отрывок в скобках. Диалоги в строку – меньше значения.

Погода плохая. Написать письма Мифте, Николаю, Аникееву, домой. Написал письмо Г.Остапенко, дабы не затеряла рукопись. Попалась её книжка – типичный сюсюреализм.

(Рисунок кита, в пасти вместо трубки – детская соска).

27.7.66

Суровый Дант не презирал клозета.

Неделю был ветер, сего вечером – вчера т.е., стих. Сейчас ночь.

– Тебя все ищут, – сказ. я Козыреву.

– Это я всех ищу.

Сегодня, вчера т.е., его, говорят, вызывали на бюро, и посему он опять напился, теперь уже с горя.

Написал Аникееву. Были Акимов с женой. До него – Иванов с Петей. Привезли картошку, ребята не трепачи.

[Картошка в Уэлене была только в сухом виде. Довольно несъедобная. А ребятам в Наукан завезли свежую. Они привезли мне ящик... Недавно, в связи с этим дневником, думал: что нас всех тогда на Севере, «приезжих», отличало? Мужество, не боязнь трудностей, умение преодолевать и проч. – конечно, всё это было. В какой-то степени, у каждого. Но была ещё одна общая черта, самая, пожалуй, важная: обязательность. Если что пообещал – исполни. Даже те, у кого раньше не было этого свойства, на Севере очень начинали его чувствовать и проникались. А те, кто так и не понимал и не проникался – не приживались. Это – что на человека можно положиться – в тех экстремальных условиях очень облегчало жизнь.]

28.7.

Был «Прибой» из Провидения, привёз яблоки и помидоры. Теперь пришёл «Докучаев», разгружается. Я простужен. Убил двух уток. Есть у меня около 5 страниц, в кот. я уверен.

[«Докучаев» всегда приходил в это время, раз в году, с «генгрузом». Ещё его называли у нас – «Пьяный пароход».]

29.7.

Некотор. пишут полное собрание, я пишу избранное. Я не пишу полного собрания сочинений, я предпочитаю писать избранное. Пусть другие пишут полн. собр. соч., я предпоч. писать избран. И т.д.

30.7.

«Vita nuova» – что означает «новый завоз».

4.8.

В воскресенье Цветков, Баранов и Козырев тонули. Был воскресник. Подходил ещё один пароход – со строймат. Ушёл вчера. Утки летели. Убил трёх, одна в лагуне.

Что-то около 10 страниц – примерно половина, а по качеству – 1/3.

Уже темнеет по вечерам и вой собак.

5.8.

Сего уже был маяк.

[Маяк был над Уэленом, на сопке, в небольшом деревянном домике. Домик этот, говорили, ещё когда-то выстроили американцы. Если судить по старым американским вестернам – похоже. Белыми ночами он не горел, с наступлением темноты зажегся. Как осень в Подмосковье можно определить по начинающим желтеть деревьям, так осень в Уэлене – по загорающему маяку... Прожектор вдобавок вращался. Пробегая над морем, луч света укорачивался, настолько непроницаемой даже для него была ночь, и, на мгновение ослепив, начинал удлиняться и изламываться, скользя по сопкам.]

Вечером во вр. купания она подняла головку и ударилась о ковш и закричала, и я чуть не закричал тоже.

Начинал обычно М-н, выступал со своей программой, или Лёня рассказывал – буквально всё рассказывал о себе человек. По моей теории выходило, что он не уверен в себе...

[Так рассказывал Головин-Бородин, что какое-то время, между десятилеткой и универ-

Уэленские старики: Сейгутегин, Армоль, Тамро

ситетом, он обучался в школе милиции. После у меня в рассказе: «Ты понимаешь, какое в нём раздвоение», – говорил Макарян. – Сначала его учат руки крутить, а потом объясняют, скажем, про Достоевского». Потом, уже в университете, Лёню замели с какими-то крамольными стишками. У меня в рассказе: «Ещё одно раздвоение, – комментировал в этом месте Макарян. – На лекции ему объясняют про Достоевского, а в коридоре – руки крутят!»... Со временем рассказ мой «Для дерева есть надежда» превратился в целый цикл «сибирских» рассказов – с тем же общим названием. В 86-м удалось их собрать – в книге «Слова». Когда заново встретились с Бородиным, я ему подарил. Он тоже написал потом о Братске, что-то вроде очерка-воспоминания – «По страницам братского дневника» (ж-л «Москва», № 10, 1997). В свою очередь, подарил мне. Есть там и про нас с Макаряном. «Позже мы, конечно подружились, вместе досужничали с вином и гитарой, вечерами спорили до хрипоты о литературе, поэзии и философии, даже вместе дрались с кем-то... Уезжая в Норильск через несколько месяцев, я искренне жалел о расставании...» – писал Бородин. Споры, конечно, были, «до хрипоты» – банальное, писательское преувеличение, но кое-что из нашего быта Лёня или позабыл, или перепутал. Не ютились мы, как написал он, в «холоднющем однокомнатном бараке с дощатыми нарами», не спали «в одежде, прижавшись друг к другу», водку пили, но гитары не помню, и проч. Был просторный дом из сибирских брёвен, в нём две большие печки, т.н. «контрамарки», которые мы натапливали так, что приходилось приоткрывать дверь на улицу, у каждого имелась своя койка, постельное бельё менялось регулярно, по утрам приходила машина, крытый грузовик, чтоб развозить нас по буровым, на смену... Не было у меня и «друга-армянина». Был русский малый, родом из подмосковных Люберец, по фамилии Анфилов, постарше нас, отсидевший к тому времени срок за убийство «на почве ревности», с которым я приехал в Братск из Чуны. А Макаряном он стал, когда после лагеря женился и взял фамилию жены-армянки, надеялся, что в новый паспорт «они судимость вписать забудут». «Как же, забудут они, хрен в рот», – сказал Макарян.» Обо всём этом у меня было написано, но Лёня или пропустил, или читал невнимательно. Его, как я понял, во всём и везде прежде всего интересовала «современность и социальность», с обязательным обличением «несправедливости», меня же – «вечная тайна человеческой души». Вот, к примеру, «убийство на почве ревности», которое я и описал, как сумел, в повести «Весна на железной дороге»... А вообще-то, вижу, что Лёня Бородин, м.б. инстинктивно, но был прав, отказавшись от идеи совместного воспоминания. Мне запомнилось так, ему по-своему. Ад – это другие, по опре-

делению Сартра. А два писателя, особенно если им выпало вспоминать об одном и том же, – это крошечный ад.]

6.8.

Сег. ты, ничего не скажешь, поработал. Отдыхать, пить водку.

9.8.

Сон был о Пушкине – цветной. Пушкин убит, мы кладем его в футляр от контрабаса – белый, все в чёрных костюмах и знаком высшей скорби явл. ковырять в ухе. Все ковыр. в ухе, а на диване две дамы в красном – одна из них мать П. – возмущается и гов-т: что ж я, к сыну не могу подойти? Открывают футляр, а там – медаль с изображ. П-на, котор. нам прислала Антонова мать.

Лениво пишу «Дерево».

10.8.

За ночь подошёл лёд до горизонта.

Если Пантелеевой дадут должность в Совете министров, она и там устроится по совместительству – сторожем.

– Приходят в голову банальные мысли, – сказ. Антоша, кормя. – Выходят же вот из этого люди, страдают, радуются, думают...

– Это им кажется, – сказ. я. – Они сосут.

Письмо от Остапенко с грам. ошибками.

Писать «Дерево» в том же духе – никакого желания. Где-то в первой трети я сделал неверный ход. Между 6 и 10 стр.

От Иванова телеграмма насчёт магнитофона. Послал ему денег.

Женька Денисов видел медведей возле Наукана.

13.8.

Лес рубят – закон. Щепки летят – случайность. Далеко отлетающие щепки случайностей.

Вчерне всё – 23 стр. Из них 10–12 почти окончательные.

Уважаемая Г.Г!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Отвечаю на Ваш вопрос о Мифтахутдинове. В последнем письме, кот. я от него получил, он писал, что уходит с геологами в поле. Пресил писать ему в Анадырь, главпочта, востребования – но, видимо, раньше осени он туда не вернётся. Это всё, что я могу Вам сообщить.

«Озеро Дж.Лондона» написано в 62 г. Идея радиомонтажа принадлежит всецело Мифтахутдинову. Я же плохо представляю, как это будет выглядеть.

Ну что тебе ещё написать? Мне 27 лет, я окончил МГУ, филологич. ф-т и преподаю в Уэлене р.яз. и лит. Не печатался. Пишу давно, но мало.

Привет. Б.

[Черновик письма Г.Остапенко.]

18.8.

Вчера изображали с Лёней моржей – для фотокорр. День вчера пропал. Купил ребятам «Спидолу». Олег выслал магнитофон. Сегодня работал. Борщаговскому можно давать телеграмму. Козыревы, кажется, уезжают. Он, правда, молчит.

Да – рассказ Тетерина (фотокорр.), как в тундре ел глаз (олений).

– Он поддевает его и на ноже мне. У меня на спине кожа гармошкой. Нож вынул, глаз там (во рту). Я его туда, он обратно. Выпили. Он поддевает второй. Я улыбаюсь. Ну, думаю, как у нас, у русских, поровну – второй ему. Опять мне! Пропал, думаю. Застреля где-то посередине. Запил его спиртом. Спирт его прожёт, прошёл, глаз торчит посередине...

И как чукчи прыгали на пружин. кроватях – по очереди.

[В те времена ездили по Союзу два известных чешских журналиста, звали их, если не изменяет память, Ганзелка и Зигмунт. Намеревались побывать и на Чукотке. Для них оборудовали в тундре специальную ярангу, даже завезли туда кровати. Тетерин (тоже его рассказ) как раз там был и видел все эти приготовления. Видел и как чукчи выстраивались в очередь возле той яранги, чтобы попрыгать на пружинном матрасе. Однако чехи до тундры так и не доехали.]

19 августа.

Перепечатал «Дерево» предпоследний раз. И всякий раз мне кажется, что это предпоследний.

Был Петя, принёс грибов. Надо дать телеграмму Б(орщаговскому)му.

24 авг.

Я закончил «Дерево», но не осознал этого. Оно мне не совсем нравится, но изменить нельзя. Я так много трачу на предварит. работу, что пишу окончательно и не в состоянии изменить потом что-либо.

В минуты умиротворения она говорит «ки», а радость выражается словом «гу». Когда она недовольна, она кричит «ня-йя-ня-йя».

Антоша видел сон, как приехал Хем-й, и мы пошли с ним к Макарову за водкой.

Дал телеграмму Борщаговскому в понедельник.

[Я писал потом о пурге в Уэлене, о шторме в Уэлене, о кладбище в Уэлене, но почему ни разу не пришло в голову написать о снах в Уэлене? Взять Антошины и мои сны, действительные, как они были, и просто записать? Жизнь прежняя, московская, и новая, уэленская, и литература – перемешивались там в невообразимых сочетаниях. Макаров был начальником уэленской ТЗБ (товаро-заготовительной базы), ведал всей торговлей, в том числе и спиртным, а спиртное в магазине продавали только по большим праздникам, поэтому в особых случаях (дни рождений или вот при-

езд Хемингуэя) приходилось обращаться непосредственно к Макарову.]

30 авг.

Был в Наукане с художником. Обр. шёл один – дождь, и туман, и ветер – как на Мамке, и заблудился, вышел в Дежнёв, оттуда по столбам – лишних 7 часов.

Как раз приехали с конференц. и новый директор, директриса, кот. на первый взгляд наминает работника пищеблока.

Пили, Скибин рассказ., как воевал в Корее в 45 г. – американцы бросили свои бомбы – это спасло многих – «микадо тоже немножко грамотный человек» – сдаваться.

Идут отрядами, смиренные, как овечки, – но и овечками их тоже не назовёшь. Площадь Харакири в Сеуле – вышли самураи и взрезались, в знак протеста.

[Ещё одна идея не осуществилась – в репдэнт к «Пурге в Уэлене», «Шторму в Уэлене», «Кладбище в Уэлене» написать «Русские в Уэлене». О тогдашних русских, 60-х годов, в тогдашнем Уэлене. В то время их было там немного, все друг с другом общались, и всех я знал. Пекарь Семён Фёдоров, повар Коля Донов (москвич), костерез Лёша Бугаев (Алекей Михалович Бугаев, 1932–1985, родился в Архангельской обл., умер в Уэлене). Ещё Карев и Скибин из ТЗБ и другие – все они прикипели к Уэлену напрочь. Иные женились на чукчанках, обзаводились детьми. На материк возвращаться никто не стремился, денег на машину, на квартиру в городе никто не копил – что их держало на Чукотке? И тем не менее... Вот это я и хотел уразуметь, задумав своих «Русских в Уэлене». Но понял, что в локальном очерке этого не осилишь. Однако идея сохранялась, в романе я к ней вернулся, и многих, худо ли бедно, но постарался описать. Существенным тут для моего понимания значил заложенный в названии романа образ – Конечная Земля. В Уэлене, кроме

Слева – домик Сараевых. Хозяйева уехали в отпуск на материк, и в этом домике, уединяясь, я написал своё «Дерево»

традиционного, чукотского кладбища на сопке, есть ещё одно – русское, за посёлком, на косе. Вот там они и лежат...]

Когда вернулся, ответ от Борщ. уже был – высылать к нач. октября.

У меня пока 27 часов – 17 русск., 7 физика, 3 черчение.

Козыревы уезжают в Лавр., он по привычке ещё даёт распоряжения.

Рассказ вне времени и пространства.

«Страшный человек Крейцер».

Как большинство мальчиков моего времени и воспитания, о Крейцеровой сонате я узнал сначала у Толстого. Тогда же я прочёл и другой его рассказ – «Дьявол», и эта ассоциация Крейцер–дьявол так и осталась.

Власть ассоц. над нашими умами известна, но почему в молодости, не имея понятия о многих вещах, мы отдаём предпочтение одному и не обращ. внимания на другое. Так поразила меня у Толстого одна фраза и т.д.

[Вернувшись с Чукотки, написал этот рассказ. Его долго не печатали, потом кто-то открыл тайну: иностранное имя, да ещё в заголовке. Пришлось придумать новый: «Тогда, на Звенигородской». Напечатали, кажется, в «Лит.России».]

Написал письмо Остапенко. Что ещё?

Как Козырев сдавал нов. дир. инструмент и пихал в карман лишние молотки, когда она отворачивалась. Куймель был спецконсультант. Приехали вместо Марьи Ильиничны и Матыски ещё 2 жёлт. пальто.

Написал заявл. на козыревскую квартиру.

Погода мерзкая. С моря туман, изморось.

Перепечатывал «Дерево» на диаграммную ленту – подряд.

[Возникла идея – представить свой рассказ не на страницах, а таким развёртывающимся «единым потоком сознания». Как оно, по сути, и было. И ведь воплотил. Взял у полярников рулон диаграммной ленты, отпилил по размеру машинописной каретки и на чистой его стороне перепечатал... Куда-то подевался потом этот свиток. И не помню сейчас, сколько получилось метров.]

Дитё стало очень симпатичным. Тьфу, тьфу, тьфу.

31 авг.

А он сказал, что советской власти 50 лет, и если японцы поговорят там минуты две – ничего страшного не случится.

Когда становится безвозвратно ясно, что ты собой представляешь, представил...

Уэлен остозэбэневает.

2 сент.

Как-то я спросил у неё: Ки, да?

– Да, – сказ. она.

Из государства ты вышел, в государство и вернёшься.

Он мог позволить себе роскошь быть обманутым.

3 сент.

Они, старые, новые, передавали друг другу его одиночество, как эстафету.

7 сент.

Неск. дней здесь был Леннарт Мери. Говорили. И о Сартре тож.

– Это... – начал он, поддевая ногой. – Это...

– Это моржовый хуй, – сказ. я. – Моржовый хуй. Эвфемизмы здесь неуместны.

– А хочется иногда вот так: моржовым, – сказ. он.

Я хотел отвечать, что меня вполне устраивает мой, но все эти дни мы были очень вежливы, по-эстонски предупредительны, что со мной бывает очень редко.

Он оставил здесь св. книгу, вернее, я её отнял по пьянке. «В поисках потерянной улыбки», – почти М.Пруст.

Человек, который 2 дня пил с Сартром.

[Подробности общения с эстонским писателем – вначале в моём рассказе «Охота на гусей у Иночоунской сопки». «Я рассказывал ему о трудностях преподавания русского языка в национальной школе и учил разбавлять спирт «по широте». Все эти сведения писатель аккуратно заносил в книжечку». И т.д. А Леннарт тогда же написал книгу «Мост в белое безмолвие», где посвятил отдельную главу нашей встрече в Уэлене. «Получалось: Леннарт написал про меня, а я – про него. Стало быть, квиты»... Потом, как известно, страна зачастила с разнообразными переменами... вот и в Эстонии – началось вроде с невинного пожелания писать «Таллин» с двумя «н», и вдруг они уже самостоятельное государство. А Леннарт Мери – его президент. Тогда я и написал своё эссе «Коктейль у президента» (ж-л «Дружба народов», № 12, 1998 г). Меня не интересовали там взаимоотношения государств, республик, национальностей, исторические предпосылки и ошибки, и т.п. Но меня очень заинтересовало, для чего писатель решил вдруг сделаться властью. «Ну, понятно, когда какой-нибудь заскорюзлый секретарь обкома, какой-нибудь партваленок рвётся... но почему идёт во власть умный, интеллигентный человек, к тому же писатель?» Писатель и власть – две вещи несовместные, всегда полагал и до сих пор полагаю я. «С чего он подался вдруг в президенты? Чего ему не хватало? Писать он, что ли, станет лучше?» И т.д. А ещё – и это, пожалуй, главное, – для меня это была возможность ещё раз вспомнить об Уэлене.]

10 сент.

Время во времени. Колясочка в «Броненосце Потёмкине». Если бы мне сказали и т.д.

Мы знаем, что искусство – лишь условность, а потому садизм эпизода с детской колясочкой.

Без слов

[Не одни заголовки, но и многие идеи – там же, в Уэлене. Про колясочку в «Броненосце...» потом в романе «Конечная Земля». «Эпизод с колясочкой – чистейший садизм!.. А по отношению к зрителю, его утончённая разновидность: садизм садизма в искусстве!.. Им ведь кажется, что они вернее прорвутся к реальной жизни, если изобразят какую-нибудь особенную жестокость... Вот приди ко мне какой-нибудь режиссёр и скажи: дай твоего ребёнка, мне нужно, чтоб он в моём гениальном фильме вниз по ступенькам катился и орал победительнее... – да я ему башку оторву!» – говорил мой герой («Конечная Земля», стр. 165–166). Что ж? Признавался ведь Толстой где-то в своих поздних дневниках, что все главные идеи его жизни пришли к нему в молодости, когда он жил на Кавказе.]

Написать домой, Аникееву, девочкам.

Мы были на уроке, она плакала, Антоша говорит – она орёт, а как улыбнётся, и сам ревет.

24/IX

Приехал Михалыч. Дома, говорит, пил коньяк «Три свёклы».

Телеграммы, две от Алика (выслать 11 пеликенов).

Приливы и отливы детского плача.

25.9.

Штангу забросил, выжимаю пелёнки. С удовольствием, как ни странно. Впрочем, теперь уж не странно.

28.9.

2 близнеца: Миша и Гриша. В раннем детстве один умер, не известно, кто. Мать считает –

Гриша, отец – Миша. И зовут соответственно. Теперь он сам не знает, кто он такой: может, собственный брат? «Брат самому себе».

В воскресенье с Алешниковым гонялись по лагуне за утками на моторке. И пили заодно.

Устаём с Антошей, как собаки, каждый день. На переменах бегаю её переодевать. Рукопись сдал на почту вчера. От Мифа две телеграммы. Написал Аникееву и своим. От Сараева письмо – просит 500 р. От Иванова телеграмма – просит 350 р.

[Обычная история с отпускниками. Если приходит от отпускника письмо или телеграмма насчёт денег, значит, скоро ему возвращаться.]

Ивакины в Лаврентия. Леня оженился на завклубом. Девка и кошка теперь у Михалыча. Так и Лёня когда-то начинал, – сказал Антоша.

29 сент.

Написал своим. Ивакины прилетели сегодня, вертолётном.

С новой директрисой начинаем ругаться. Было письмо от Остапенко с соц. заказом.

Школа остоебенела.

1/X

Любовь к дочери и способность иногда хорошо складывать слова.

3.X.66.

Дал Мифтахутдинову телеграмму о работе. Составили её вчера с Ивакиным. Ивакины приходили вчера.

Убил утку. Антоша, кажется, в отпуске, а у меня зато 34 часа.

7 октября.

Быть актёром и знать, что ничего не случится с тобой за кадром.

Осень с её приметамы проходила мимо. Тёмные пятна утиных стай (стлались). На лагуне, покрытой рябью, светлые полосы тихой воды.

Надо бы писать сейчас, да некогда, да и не знаю, что. У меня есть 3 названия: «Грустный Кит», «Страшный человек Крейцер», «Nominus!» (гипотетически).

Прокурор выступал перед детишками. Чтобы не было никаких проявлений, – сказ. он.

8 окт.

Неприятности у Ивакина. Сегодня первый заморозок. Антоша видел во сне китов. Я никогда не видел во сне китов. Киты тоже прошли мимо меня в это лето.

Уэленская башня из моржовой кости.

Некогда записывать хорошие фразы. Промаживаюсь по хорошим фразам, как по уткам. Может, они и вернуться, как утки, когда-нибудь.

А его почерк этих лет говорит о грусти и примирении. О безнадёжности. Почерком, кот. наводил на мысль о поражении. (Рис. кита с трубкой.)

13 окт.

Пришёл магнитофон от Олега. Записываем Лемура. Теперь мы зовём човечка Л е – м у р. Теперь он говорит «гинь-нь» и стал больше капризничать.

Есть немного снегу. Написал Мифу письмо, но не отправлю никак, и пеликенов. От него ответа на телегр. нет.

Приходило несколько фраз для «Грустн. Кита», но забыл.

Света нет целый вечер, второй.

Производственное собрание учеников и учителей. (Насчёт «всеобуча».)

– Кто за это решение?

Молчание. Голос Пантелеева:

– А что такое всеобуч?

Директ. разъясняет.

– Кто за?

«Народ» безмолвствует.

– Поднимайте, поднимайте руки!..

Сильно устаю в школе. В школе подвизаются все кому не лень. Абрамов – физкультура, Виниченко – рисование, Перцова – пение, Клапанова – домоводство.

15 окт.

Снег стаял. Но заморозок, и подмёрзшая грязь пружинит под ногами. По субботам дают спиртное.

17 окт.

Лагуна подмёрзла. 2 дня уже круглосуточный свет. Подранки – видно в бинокль – ползут по льду к полыньям.

Снега нет.

Алешников Юреман рассказ. о драке на плярке и жалел, что меня не было. Но я объяснил, что я теперь человек положительный...

Я не любил своей комнаты – она была в доме, где прошло моё детство. А я не любил моё детство или то, что назыв. отрочеством. Не потому, что моё отроч. было несчастливим, – оно было нормальным, средним отрочеством...

[Об «отрочестве» я написал потом, спустя 20 с лишним лет – повесть «Отрочество в городе». Напечатана была в журнале «Октябрь», № 3 за 1990 год. И книга была уже подписана к печати, но выйти не успела: наступили эти самые, 90-е. Впоследствии им подыскали определение: лихие, но в этом слове что-то даже романтическое. Лихой, в одном из значений: удалой, молодецкий. Однако я их называю у б о г и м и. И убогость эта вместе с 90-и не прошла, сохранилась, по-моему, она даже нарастает. Жалею только, что запоздал немного со своей повестью. «Ах, я был медлителен и нем!» – как вычитал у когда-то полюбившегося поэта Уолта Уитмена. Могу повторить, что тоже был «медлителен и нем».]

Минута одиночества в школьном клозете. Окно в сопки, куда можно совершить побег.

Прошлое не исчезает, а живёт в нас, изменяясь со временем, – незаметно для самих себя мы переделываем его, усваиваем, растворяем в себе, делаем своим прежде такое чуждое, такое отстранившееся от нас прошлое, делаем в нём поправку на будущее, на боль, на разочарование, на желание ещё жизни, любви.

18.10.

Откуда мы, как космонавты, улетев на несколько лет, вернулись такими же молодыми.

В детстве я много читал, и это меня погубило. «Берега Сахалина отмывает Тихий океан», – Кагтынаровтына, 5Б.

Некто добрый и некто злой. Добрый, конечно, любит природу.

Влияние фраз с детства.

Цинизм великих людей создаёт впечатление мудрости. Или так: мудрость вел. людей созд. впечатление цинизма.

Агафонцев объяснял про четверг – от начала недели далеко и до конца ещё неблизко.

[Парторг колхоза – про день, когда лучше всего проводить общее собрание... Ещё в ту осень кто-то вспомнил про Аляску и что она была якобы не продана навсегда, а отдана в аренду в 1867 году на 99 лет, и что в нынешнем, в 1966 году, как раз истекает срок аренды. И что теперь в связи с этим? Как они, американцы, и мы будем выходить из этой ситуации? Неужто война?.. В особенности, что будет с нами, с уэленцами, которые на самом стыке? Но, помню, что уэленские мужички поволновались по этому поводу недолго. Поговорили под бутылку и забыли.]

21 окт.

От Мифа телегр. с просьбой писать повесть или серию рассказов о Чукотке – «с р о – ч н о».

22 окт.

Антоша в кино. Мы вдвоём с Лемуром. Суббота.

Читаю Мери «В поисках потерянной улыбки» и вспоминаю его скрупулёзность: хотел обязательно скопировать надпись на дежневск кресте.

От Борщаговского нет, но я не волнуюсь насчёт «Дерева»: я – не профессионал. Мне нужно жить и изредка писать – вот в чём штука.

В Уэлене, по словам Агафонцева, три улицы: Дежнёва (к лагуне), Ленина (центральная) и Морская. «Пока – Морская, – сказ. он, – так как Чукотское море отодвигается». – «Потом будет Железнодорожная, – сказ. кто-то. – Уэлен. След. остановка – Ратманова».

[Кто ж мог знать? Сейчас и море, и лагуна, наоборот, надвигаются, уэленская коса сузилась чрезвычайно, на том месте, например, где стоял когда-то на берегу лагуны мой дом, теперь водяная гладь. Но центральная улица до сих пор цела, и она до сих пор – Ленина.]

23.

Воскресенье. Лемуры с Антошей спят ещё. Какой-то сон с длинными утомительными разговорами. (Вечером была Тамара Кирилловна.) Тоска. Проверить, что ль, тетради – в воскресенье, с утра?

24 окт.

Вася Улькенашин убил инчоунского чукчу, разрезал его на части и по частям сносил к морю, но уронил что-то кровавое из тряпки, и по следу его нашли. Теперь он в сельсовете под надзором дружинников, спокойный, и жена его, и мальчик пришли, и Пантелеева тут же – караулит его.

Вася Улькенашин – вежливый, спокойный малый.

[Иногда он заходил ко мне, не как Гоном, «занять рубль», но просто поговорить. Он мне нравился, я и пьяным-то его никогда не видел. Красивый, молодой чукча, миловидная жена, сын... Но что произошло между Улькенашиным и его гостем из Инчоуна, мы так и не узнали. И что такое стряслось с самим Улькенашиным?.. Как сказал потом в романе мой герой: «Оказывается, чукотская-то загадочная душа ещё позагадочнее славянской, выходит!»]

25.10.

Отпускники на Севере говорят: лучше уехать, не простившись, чем простившись, не уехать.

Ивакин вернулся из Лаврентия – дело его восторжествовало, а ревизор повержен. «Во всей этой истории, – гов. Ивакин, – жаль Пантелееву, она так хотела, чтоб Ивакин проворовался». Он следовал изречению: хочешь обвинять – не торопись.

Пришёл Клим и принёс древний камень – нечто вроде ручного рубила.

Море закрыло льдом до горизонта.

26 окт.

Луна почти полная. Была почта вертолётном. Антоша получил письмо о смерти бабушки.

26.10.

Написать Леннарту Мери.

Леннарт!

Прочитав Вашу книгу, я ещё более огорчился, что она не доехала до Камчатки. Когда я её прочёл, я вижу, что Вам было кому её показать. Непростительно было с моей стороны брать её, а с Вашей давать, даже принимая во внимание, что мы несколько перевалили за Полярный круг в тот последний вечер. (Черновик.)

Лампочка в 152 свечи, – сказ. Михалыч. – 150 под потолком, 2 – на столе.

2.11.

Пойдёшь вечером к Михалычу, наврёшь что-

нибудь о прошедшей жизни, и голова, глядишь, проходит.

Интересно, что бы мы делали с Антошей в третий год, если бы не было Лемура.

4/XI

Сараева ещё нет, а повестка в армию ему уже лежит.

Каникулы.

«Как в книге», – подум. я и подтвердил, – да, как в книге. Каждый, кроме разве уж совершенных глупцов, претендует на то, чтобы у него было не как в книге. У всех, как в книге, а у него нет. Пусть будет как в книге. Но это было не так, потому что я не мог сразу заглянуть в конец и узнать, чем всё кончится. Да я и не любил заглядывать в конец, если книга настоящая. Сейчас было как в настоящей книге, но заглянуть в конец я хотел бы.

Тот замкнутый московский каменный двор и груда пустых ящиков возле магазина

5.11.

– А по-моему, пьёшь «Сирень», занюхиваешь сиренью, «Жасмин» – жасмином», – сказал Юреман.

– А «Кармен»?

– Мылом «Кармен», – серьёзно отв. он.

6 ноябр.

2-й день каникул. Сильный восточн. ветер. Топили всю ночь. Чуланы забиты снегом. Лемуры проснулись.

Мне нужно было знать, что есть что-то незыблемое, постоянное, пока я мечусь, выбираю, изменяю – её любовь, чтобы я мог спокойно метаться, выбирать и изменять самому себе.

Так вот то, что мы называли игрой страстей! Так вот что у них называлось игрой страстей!

7.XI.

Интересно, выветрился ли из неё запах тех 20 тысяч сигарет, которые я там выкурил за 3 года?

Когда всё, чем дорожишь, перестаёт быть дорогим.

[Обыкновенная жизнь писателя. Скажешь или запишешь фразу и вроде бы забудешь о ней, напрочь, а фраза продолжает жить в тебе, незримо, порой целыми десятилетиями. Сорок с лишним лет спустя написал в эссе «Кот, спящий на Хемингуэе»: «Когда я после университета уехал на Чукотку, а спустя три года вернулся и отпёр дверь своей комнаты, в ней ещё стоял, так и не выветрившись, запах нескольких тысяч выкуренных здесь сигарет...» (ж-л «Дружба народов», № 6, 2009)]

8 ноябр.

Бестолковый, как всегда, праздник. Вчера решили с Ивакиным все проблемы, только ут-

ром я уже не вспомнил, как мы их решили.

Вечер. Антоша в кино. Лемур спит.

Душа странно пуста – может, от вчерашнего перепоя.

Письма родных на Север по радио: «Ты пишешь, Майкл, что хочешь жениться. Не помогла бы тебе в этом мама, подобрав для тебя подходящую невесту?»

Пантелеева закрывает свой штаб: на сегодня хватит – троих забрали.

10 ноябр.

Суходольский: мальчики керосинили и три дня в ауте.

Когда Суходольская ушла из дому и выяснилось, что у подруги она не ночевала, Сух.пил у Женьки Денисова и сказал: «Завтра поищем, сегодня темно».

Разделили с Антошей те 34 часа, я веду 20, Ант. – 14. Директр. довольна, ещё 6 час. обломилось.

Школа – не армия. Педагогич. тактика – не плевательница.

Видел сон, что директриса работает в столовой, носит бутылки с минер. водой.

[Вставил этот сон потом в роман.]

11 ноябр.

Лемур стал очень разговорчив.

Вчера был на забое. Стадо в 4 тыс. голов гоняли по кругу, выхватывая отдельных чаутами, вели, прыгающих и упирающихся, наваливались, втыкали нож в затылок, где мозжечок, и олень умирал мгновенно. Сотни полторы разделанных туш уже лежали на снегу, отдельно шкуры, разбросанные потроха, языки сносили отдельно в ящик. Пришла полярка с фотоаппаратом. Рассказ Ивакина об оленях-кастратах (чимны?), кот. забивают неохотно, т.к. они явл. работягами в стаде. Вырыл яму, подойдёт важенка, он уходит. Вырыл другую, подойдёт телёнок, он уходит.

[В романе картина забоя потом трансформировалась, превратилась, как положено, в символ. «Стадо, как обычно, когда удерживают его на месте, крутилось, олени бежали по кругу, но пастухи-чукчи безошибочно угадывали, высматривали в этой сплошной несущейся массе, какое животное надо выхватить, и метали чаат... Да, и я был, как вот такой, крутящийся со всем стадом олень, которого Пастух углядел и предназначил, но промахнулся чаатом, и олень бежит следующий круг, а потом, может быть, и ещё круг, но он всё равно – отмечен, и Пастух с чаатом поджидает его.»]

13 ноябр.

И все глаза тут же повывокоряли и съели.

Наконец, написал письмо Леннарту.

14.11.

Сараевы и Гордеевы уже в Лаврентия, а Сараеву лежит 12-я повестка в военкомат. Был военный вертолёт, кот. не берёт гражданских, и

кто-то сказал, что Сараев имеет полное право летать на военном вертолёте.

Когда его вызовут в 101 раз, ему сразу дадут полковника в отставке.

Какой-то чукча отправился на собаках в таковую пургу в тундру.

Антоша верно заметил – в первый год общаешься почти со всем посёлком, а в последний – и с русскими-то перестаешь общаться. Так: привет – привет.

И второй чукча поехал.

15.11.

Дом и посёлок после пурги, как после битвы. Затыкали вчера все дыры и топили целый день. +15. Лемур радуется солнышку. Трясёт игрушечку и разговаривает сам с собой.

Прилетели Сараевы и Гордеевы. Заказ. по телефону Сараеву учебники – это он слышал, – и шампанское – здесь связь оборвалась. Получ. посылку. Писем нет ещё.

17 ноябр.

Опять три дня и три ночи сражались с пургой. В дверь и углы сквозит, а теперь дождь, и на подоконник льёт.

Директриса, живя в школе, была против отмены занятий, но вчера, пройдя по пурге с партсобр., решила отменить, пошла к завучу, а сей последний спал.

18/XI

Лемур стал очень звонким.

Была почта. Писем нет ни от Мифа, ни от Аникеева, ни от Б-го.

Куймель мрачен, у него опять девка.

– Как назвали?

– Никак, – сказ. он.

– Под номером пойдёт?

23.11.

Vita puova – говаривал Данте, что означает «Бросаю пить».

Сызнова взялся за гири. Мешок с письмами затеряли, а может, там и ответ Бор-го.

25.11.

Вчера я забрёл вечером в школу и встретил директрису в халате. 2 женщины в осенней поре живут в большой пустой школе, на разных этажах.

– БА., педчтений не будет, – сказ. директр. – Наша молодёжь не изволила подготовиться.

Меня причисл. уже к старикам.

Северяк и шторм.

26 ноябр.

Я первый раз кормил Лемурия, и он, взяв соску, перед тем как есть, долго и внимательно глядел на меня: разве я тоже умею это делать.

Страшный северяк. Шторм и снег.

С такой природой нельзя «сливаться», ей надо противостоять. Сливаясь с природой у нас – в средней полосе, без опаски, на юге не хочешь сливаться – из чувства противоречия,

на Севере противостояшь в целях самосохранения. Дьялектика.

29.11.

Южак 2-й день. Коридор занесло. Выбросил снег утром, дверь наладил. На окнах снег оплыл и замёрз. Лемур спит подолгу – привыкает к полярной зиме.

Лёня ушёл от завклубом, узнав, что она работник пищеблока, а вовсе не представ. «богемы». И без диплома.

Антоша вспомнил, что в тот день, когда Надя пришла приглашать нас, я спросил: ведьму ль замужа выдают? – а в тот день, действит., была их свадьба, и я, кстати, сочинил трогат. стих.

Прошли педчтения. Лёня намарал что-то, на упрек дир., что это, мол, пошлют в роно, сказал, что хоть в облоно. Михалыч манкировал. Я чудом оказался в примерных. Антошу не трогают.

Всё воскресенье трудился. Лёд и уголь. Пришли Ивакины, сварили коф. ликёр. Ив. принёс книгу по богословию.

[Не помню сейчас, что это была за книга. Для романа взял потом «Пять книг против ересей» Иринея Лионского.]

Вот сколько новостей. Снегу нанесло. Опять чистить.

1 дек.

Начал работать в интернате, на подготовке. Ночью пурга утихла. Перемирие.

2 дек.

Всё ждал, когда же придёт то, что уравновесит. Почты нет.

6 дек.

В праздники надрались. Расск. Ивакина о том, как с одним учит. пили брагу и закусыв. консервир. гуляшом и одновременно обоих вырвало. Решили проверить, для чего один пил брагу, а другой ел гуляш, и т.д.

К 6 утра Ив. уже предлагал мне должность инженера по рыбе.

Но всё равно была какая-то тревога. Наверное, что-нибудь опять случилось со мной в этот момент в другом времени и пространстве.

7 дек.

Лемуров трясёт игрушечку со страшной силой. Дежурю в интернате на подготовке. Тепло неск. дней и тихо. Лёд подходит. Самолёт был 4-го, первый, из Инчоуна, и почты не было, была драка возле самолёта, и чукчи лезли, даже те, кто не летел, и самолёт улетел, а на лагунах ещё долго лежали трупы.

8 дек.

Сег. прилетели 2 самолёта: почта и Горд. с шампанским.

9 дек.

Письмо от Аникеева – пустое. Письмо от мо-

их. Письмо из Анад. радио – Кабалов – просит присылать «новые произведения».

Как учили в школе закон сохр. и превр. энергии. Любовь не исчезает и не возникает вновь, она только переходит из настоящего в прошлое, и наоборот.

10 дек.

Праздник в честь ...летия Чукотки. Показали наш фильм «Песню белого клыка». Заканч. словами: «Да, кто однажды увидел Чук., тот полюбит её навсегда». Евреинов, кот. снимал этот фильм, не скрывал своей нелюбви к Северу и мечтал поскорее вернуться в свой Кишинёв.

В фильме накладка, кот. я только что заметил: Нутетеин одновременно сидит с бубном и пляшет своего «Ворона».

10.12.66.

Не отступаешь и не сдаёшься, просто всё, за что ты раньше боролся, перестаёт иметь значение. Но, может, это и есть поражение.

13 дек.

Собр., на котором единодушно осудили Ульянашина. – Я хочу, чтобы ему дали высшую меру, но чтобы не передумали, – сказ. Номгиргин.

Получил в комхозе за ремонт. Купили с Кирил. ящик яблок. Пилил сугроб. Антоша чинит магнитофон.

14-го, понед.

Педчтения – посл. неделя декабря. «Живи и работай по плану!»

Руководитель никогда не бывает хорошей бабой, вернее, хорошая баба никогда не станет руководителем, – сказ. Антоша.

В общем-то, слишком неплохо относился к детям, чтобы быть учителем.

Любовь не исчезает и не возникает вновь, она просто из настоящего переходит в прошлое, и наоборот (в равновеликих количествах) – «Закон сохранения и превращения любви».

15 дек.

Лемке перевернулся наконец сам на животик.

16 дек.

Перечитываю с детишками Онегина. Много логич. несоответствий, и не тех, внешних, писаревских, а в линии автора.

Америк. песенка: И ты даже не пытайся стараться забыть её, потому что ты всё равно её не забудешь.

19 дек.

Сег. Лемурову полгода. Вчера бездарно прошёл воскресный день. Пошёл в магаз., встрет. Войстаховича. Взяли бутылку, распили. Ушёл Войстах., пришёл Гордеев, взяли ещё бутылку.

Сег. горы наконец видно.

[Речь всего лишь о бутылках шампанского. Только оно стояло в магазине свободно. Уэленские мужики, за отсутствием пива, после бани пили шампанское. Водку и коньяк продавали строго по праздникам. Так что – никакой речи о «спаивании», тем более «местного населения».]

Чувствуешь себя виноватым перед т.н. «плохим учеником», когда он поверит тебе и начинает стараться. Уж лучше бы не старался.

20 дек.

Почта была. 3 посылки. От Борща ничего нет, и от Мифа. Дал телеграммы.

Вчера было небольшое нашествие. Ивакины, Гордеевы, Сараевы и др.

Лемур был в центре внимания.

22 дек.

Я не Фрейд, и не знаю, что делать, если ты покинешь меня, – пели вчера.

Привезли лук. Написать домой.

22.XII.

«Груст. кита» связал.

В Москве я, может быть, и не повесил бы

«Лемур в центре внимания»

портрет этого писателя, но сюда ещё не дошла мода, а впрочем, настолько считал себя выше моды, что, может, и в Москве повесил бы.

От Мифа 2 телегр.

26 дек.

Вчера Лемур сломал первую в своей жизни игрушку – оторвал лисе ноги.

Инженер по добыче рыбы – вот тема, кот. мы обговариваем теперь по пьянке с Ив. и по которой, говорит Антон, нас можно определить.

N. писал хорошие серьёзные вещи, но его не печатали. Но он не унывал. «Напишу-ка я роман, сла бы й во всех отношениях, – сказал он себе однажды, потому что это вошло в его биографию и творческие планы. Написал. Конечно, его напечатали. Друзья отвернулись от N., но он знал, что делает. Следующая его вещь была ещё лучше прежних и полностью искупала слабый роман.

– Старик, это не ваш стиль, – сказали ему в редакции. – Зачем эта не свойственная вам горячность?

– Но В. вы печатаете?

– Да В. всегда так писал. К В. привыкли и не обращают внимания. Мы знаем вас как певца другой, глубоко вашей темы.

К чести N. надо сказать, что он не сдался. Он посылал свои вещи под псевдонимами. Но в редакциях его тотчас узнавали. «Чудит старик, – посмеивались они. – А знаете, в этом что-то есть. Какой-то новый жанр. Не взять ли нам его в отдел самопародий?»

27 дек.

Пришёл вчера ответ от Борщ. («ваш Ал. Михалыч»), что рассказ, мол, хороший, но в напечатании сомневается.

Дед плачет, бабка плачет, а курочка Ряба кудахчет (в пространство): «Х... с вами, падлы, снесу я новое яичко, не золотое будет, простое».

Были вчера Ив. и Гордеевы.

[С «напечатанием» так и произошло. «Дерево» опубликовано было лишь двенадцать лет спустя, и то не в журнале (не взял ни один), а в моей книге «Весна на железной дороге», Москва, Советский писатель, 1979. Тираж 30000 экз. Вспомнил в связи с этим Жору (Георгия) Семёнова, который изумлялся: «Но почему тебя никто не знает?!» Вот так вот и... Из всего последующего «сибирского» цикла (10 рассказов), я посмотрел специально, в журналы попало только два или три. Наиболее безобидных. И наиболее бдительные цензоры, как я потом догадался, сидели не в Китайском проезде, а ещё прежде них, в самих журналах. Те же наши редактора. Которые лучше цензоров знали, нутром ощущали, что можно пропустить, чего нельзя.]